Валентин Варенников

Дело ГКЧП

Суд истории

Валентин Варенников

Дело ГКЧП

«Алгоритм»
2010

Варенников В. И.

Дело ГКЧП / В. И. Варенников — «Алгоритм», 2010 — (Суд истории)

Из заявления В. И. Варенникова в ходе следствия по делу ГКЧП: «…Мне предъявлено обвинение в измене Родине с целью захвата власти, умышленном нанесении ущерба государственной безопасности и обороноспособности страны.В связи с этим я уже сейчас могу заявить моим обвинителям следующее. Да, я выступил против мрака и позора, которые обрушились на нашу Державу. Но разве можно было дальше смотреть, как разваливается страна, ее оборона, нищает народ, рассыпается экономика, льется кровь в межнациональных конфликтах, расцветает преступность? Разве можно было дальше терпеть унижение нашей страны, холуйство и пресмыкание перед Западом?Судите меня – я против всего этого! Против разложения и унижения своего народа! Против падения нашего Отечества! Найдите самую суровую статью за спасение человеческой души. Я только буду гордиться этим!»В. И. Варенников в 1989–1991 гг. был главнокомандующий Сухопутными войсками СССР. В августе 1991 года он активно поддерживал действия Государственного Комитета по чрезвычайному положению (ГКЧП). В 1994 году единственным из обвиняемых по делу ГКЧП отказался принять амнистию, предстал перед судом и был оправдан. В своей книге В. И. Варенников подробно рассказывает обо всех до сих пор неизвестных общественности обстоятельствах дела ГКЧП как на основе материалов судебного разбирательства, так и по собственным записям и наблюдениям.

© Варенников В. И., 2010
© Алгоритм, 2010

Содержание

Тюремные комментарии к «Августовскому путчу» Горбачева. 7
Следствие по делу ГКЧП
«Мои взгляды на книжку и автора 8
О нашей армии 10
Вместо заключения 12
Первый суд над ГКЧП 30
Второй суд. Встречный иск по делу о развале СССР 45
Конец ознакомительного фрагмента. 49

Валентин Варенников
Дело ГКЧП

©Варенников В. И., 2010
©ООО «Алгоритм-Книга», 2010
©ООО «Издательство Эксмо», 2010

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Тюремные комментарии к «Августовскому путчу» Горбачева. Следствие по делу ГКЧП

С позиций абсолютно нормального человека спокойно воспринимать действия и поступки Горбачева во второй половине 1991 года – просто невозможно. Например, появление его книги «Августовский путч». Основные события в стране произошли во второй половине августа, а уже в октябре была издана и широко распространена эта книга. Даже если он лично и не писал, а лишь наговаривал своему помощнику Черняеву (или кому-то другому), а тот уже опирался на привлеченный к этому коллектив – даже в этом случае ему на стостраничную книжку надо было потратить не один день.

Но ведь в стране атмосфера накалена, как 1917-м или в 1941 году! О каких книгах может идти речь? Надо страну спасать, а не заниматься демагогией! А Горбачев верен себе – в первую очередь забота о собственной персоне, о своих ближних, а уж потом – страна.

Услышав по радио «Маяк» информацию о появлении в Москве книги «Августовский путч», я через адвоката попросил своих друзей приобрести и переслать ее мне. Это оказалось непростым делом, но в ноябре я эту книгу уже имел. А в конце ноября 1991 года «Августовский путч» с моими комментариями на полях книги передали в газету «Наша Россия». Главный редактор газеты Иля Исмагиловна Епищева сразу же сделала полную публикацию. «На полях книги» я изложил свою позицию по основным вопросам, которые были затронуты Горбачевым в книге. Буквально вслед за этим появилась, тоже в полном объеме, публикация в газете «День». Главный редактор Александр Андреевич Проханов, как и И. Епищева, конечно, подвергали себя лично и газеты большой опасности – ведь Горбачев был еще у власти. Напечатать мои комментарии в то смутное время – это, конечно, был и поступок, и риск. Однако все обошлось.

В это же время некоторые иностранные газеты начали «охотиться» за подлинником, т. е. за книгой «Августовский путч», с моими комментариями, сделанными на тюремных нарах. По информации адвоката Л. Беломестных, японцы предлагали крупную сумму. Однако моя позиция была однозначна. Эта книга сохранилась и находится в моем личном архиве.

Что же касается содержания моих комментариев, то впервые они появились в газете «Наша Россия», № 23, 1991 год. На первой странице, в верхней части – броский аншлаг: «Генерал Варенников опровергает! Собственноручные заметки Главкома на полях книги М. Горбачева «Августовский путч».

Далее шла краткая аннотация главного редактора газеты: «Изданная в рекордно сжатые сроки книга М. Горбачева «Августовский путч» вызвала пристальный интерес не только западного читателя, на которого в первую очередь была рассчитана, но и, естественно, всех советских людей, в том числе действующих лиц, оказавшихся в тюремных камерах «Матросской тишины». Изучил размышления «форосского узника» и бывший Главком Сухопутных войск, «афганец» Валентин Варенников, которому автор уделил особо пристальное внимание. Предлагаем читателям заметки, собственноручно сделанные боевым генералом на полях валютного бестселлера в долгие минуты вынужденного заточения».

Рядом с этой аннотацией помещена фотография Горбачева и Варенникова, сделанная летом 1990 года на учениях в Одесском военном округе. А далее шли мои краткие заметки «на полях книги». Привожу лишь их начало: постраничные замечания уже не нужны. Это по горячим следам еще можно спорить, а когда прошло столько лет – извините. Тем более с Горбачевым. С такими-то не спорят.

«Мои взгляды на книжку и автора

Главная заслуга автора – четко и ясно показано, что конкретно достигнуто за годы перестройки – «самые главные и самые очевидные исторического масштаба перемены» (по меркам Горбачева):

1. Плюрализм.
2. Свобода слова.
3. Переход к рынку.
4. Ликвидация угрозы мировой войны за счет одностороннего разоружения.
5. Полная капитуляция в холодной войне и принятие условий победителя (т. е. США).

Но книга приобрела бы еще большую популярность, если бы показала: а что мы за эти же годы утратили?

Почему все это было утрачено?

Кто автор этих утрат?

Что нужно было бы в свое время предпринимать, чтобы избежать таких провалов?

Показать, что было к 1985-му и что имеем к 1991 году.

Правда, автор кое-где бегло себя критикует, но далеко не до слез.

А надо было бы взять конкретные вопросы. Например:

1. Почему разломали Советский Союз, хотя народ в марте 1991 года в референдуме требовал его сохранения?

2. Почему мы утратили управление государством?

3. Почему у нас не выполняется Конституция СССР (хотя президент давал присягу) и Указы президента?

4. Почему мы во всех сферах жизни начали все рушить до «основания», но «затем» так ничего и не построили – вместо того, чтобы умно и твердо начать только с капитальных преобразований в экономике.

5. Почему в экономике допущены конкретные провалы:

– антиалкогольная кампания (то есть кто ее автор и чего это стоит);

– создание кооперативов-паразитов, а не производителей (и бирж);

– саботаж и кто виновен;

– развитие мощнейшей, не имеющей себе равной в мире спекуляции;

– снижение объема производства;

– полное разрушение экономических связей;

– монополия мафии на рынке.

Что надо сделать, чтобы приостановить обнищание народа.

6. Почему опустела казна и кто ответит?

7. Почему нет действительной гласности и свободы человека, истинной демократии (даже КПСС угнетена)?

8. Почему непомерно растет преступность, какие планы борьбы и кто за это конкретно отвечает?

9. Почему у нас не занимаются подрастающим поколением, не прививают ему нравственность, патриотизм, культуру, этику, почему на его пути нет преград растлению, разврату и наркомании?

10. Почему появились межнациональные конфликты (только не надо ссылаться на прошлое – ведь мы все-таки жили в дружбе) и появилась очаговая война?

11. Почему конверсия пошла наперекосяк, а НИОКР и производство новейшего вооружения у нас не организовано хотя бы так, как в США (хотя было лучше)?

12. Почему воины и особенно офицеры наших Вооруженных Сил живут и обеспечены хуже всех армий всех стран мира?

13. Почему мы, решившись идти на крупные военно-стратегические ущемления своих интересов (одностороннее сокращение, вывод войск из Восточной Европы и Монголии, развал Варшавского Договора, неравновеликое с Западом сокращение ВС и т. д.), ничего не получили от Запада взаимно?

14. Почему мы, выводя войска из Восточной Европы, не потребовали от этих стран, чтобы они построили нам жилье в том количестве, в котором мы создали у них (а Германии вообще надо было предъявить требования – денег брать не будем, стройте на нашей территории городки под нашу группу войск и по мере готовности будем выводить)?

15. Почему, отпустив прибалтийские страны из большого Союза, вопреки принятому закону и создав тем самым прецедент для других, мы продолжаем потакать их экстремизму – отдаем россиян им на судилище? Мало того, намерены выводить войска, не потребовав от них строительства за их счет на территории России необходимой инфраструктуры.

Вопросы можно было бы продолжить. Но даже ответы на перечисленные позволили бы читателю увидеть честного автора.

О нашей армии

Любая армия – лицо своего государства и народа. Поэтому о ней заботятся, зная, что от уровня обеспечения, дисциплины, подготовки, от ее силы зависит и благополучие страны. Мало того, армия – это школа для народа. Не только потому, что через ее ряды проходит почти все мужское население и учится боевому мастерству, приобретает необходимые качества воина-патриота. Она – школа гармонического развития юношей: физическая культура, нравственность, политическое и специальное образование, развитие высоких качеств уважения к человеку, труду, обществу. Манера поведения военнослужащего вселяет духовную силу нашему народу.

Армия – это не просто группа подразделений, частей, соединений, нет! Это слитая в единое целое великими государственными идеями общность солдат, сержантов, прапорщиков, офицеров, генералов и членов их семей, которые имеют и свои личные убеждения, в том числе религиозные.

Идеи же эти – защита своего народа, нашего Отечества! В связи с этим воин любого ранга готов всегда отдать все – покой, семейное счастье, все свои силы, здоровье и саму жизнь во имя спасения своего народа и защиты Родины.

Вот почему принадлежностью к армии надо гордиться, народ должен любить свою армию и взаимно отдавать ей все самое лучшее.

Именно этим объясняется и то, что Русская армия испокон веков держалась традиционной и неизменной любовью, трогательным вниманием и милостью всех наших государей, а в советское время – всех наших вождей. Исключение составил только «незабвенный» Никита Сергеевич, который открыто ненавидел военных всех рангов, начиная с Жукова Г. К. По этому же пути идет и «светлейший» Михаил Сергеевич, но скрытно, хотя у него уже тоже прорывалось: «Нашли кормушку…» и т. п. Но умело заигрывал, лукавил, соблазняя ложными посулами. Однако внутренним врагам армии (а они есть) никогда по зубам не давал.

Наоборот, поддерживал.

Взгляните сейчас на армию. Никакой определенности – ни в настоящем, ни в будущем. В каком она сегодня находится государстве, кому служит и кому подчиняется? Кругом одни президенты и полно министров обороны. Кто избавит армию от интриг, кто защитит военных от политического авантюризма, от морального террора и рынка? Продолжают еще сейчас стращать народ возможными попытками военного переворота. Но Горбачев в своей книжке «Августовский путч» пишет, что заговорщики пытались направить армию против народа. Какой вздор! Пусть запомнит автор, что никогда командиры всех рангов (те, кто был, и те, кто остается у руля) не поведут солдат против своего народа.

Но всмотритесь в наши современные взгляды на оборону страны. М. С. говорит: «Бывшая для своего времени классическая формула Клаузевица, что война есть продолжение политики, только другими средствами, безнадежно устарела… единственный путь к безопасности – это путь решений, путь разоружений».

А как же понять такие страны, как США? Они пошли именно по «этому» пути в Гренаде, Ливии, Панаме, в районе Персидского залива. И, кстати, в США Клаузевица лучше понимают. Например, его вывод (после похода Наполеона на Россию) о том, что эта страна может быть побеждена лишь действием внутренних раздоров, оправдался на нашем примере.

Для США на пути создания американского порядка в мире было одно препятствие – Советский Союз. И они пошли двумя путями: 1-й – гонка вооружений, 2-й – создание Советом национальной безопасности в 1950 году плана подрыва СССР изнутри (СНБ-68). И этот план с помощью Арбатова и его «детей» фактически выполнен. С помощью США мы создали «новое мышление», смысл которого сводится к приспосабливанию всех наших действий к политике

США. И на всем пути нашей перестройки нас сопровождает кнут Запада (ну, а сейчас просто пинки…).

Некоторые говорят: нет, сорок первый год не повторится! Но надо не забывать, что в сорок первом у нас было твердое и сильное правительство, единый несломленный народ, единые ресурсы для Вооруженных Сил и мощный тыл, прекрасная армия и Военно-Морской Флот. А что мы имеем сегодня?

Другие говорят: а кто нам угрожает? Ведь это, мол, домыслы военных, чтобы самим сохраниться.

Верно, теперь, когда страну развалили, система стратегической обороны отсутствует – никому и в голову не придет угрожать несуществующему Советскому Союзу. Можно все брать голыми руками. Американцы и их союзники с превеликим удовольствием сегодня потирают руки не только потому, что они без единого выстрела выиграли третью мировую войну, но уже и потому, что открывается реальная возможность загребать наши природные богатства.

В то же время «новое политическое мышление» оказало решающее влияние (пагубное) на всю жизнь большой армии – сокращение проводилось в спешке, в ущерб нашим войскам, явно ниже уровня «разумной достаточности». Так же уродливо проводилась и конверсия.

Однако США продолжают выполнять свои программные вооружения, в том числе по созданию СОИ, которую в свое время назвал М. С. «смешной и нелепой» программой. Но это будет главным стержнем угрозы для всех (не только для нас), в целях утверждения американского порядка в мире.

И все же я верю, найдутся у нас силы, которые вернут нашей многострадальной Отчизне добрую славу, не дадут ввергнуть наш народ в кабалу. Армия устоит.

Вместо заключения

Великая страна, сказочно мощная, с которой считались во всем мире, поклонялись ей (а кому следовало, и побаивались), в итоге 7-го года перестройки стала бессильной, нищей, упала на колени перед всем миром с протянутыми руками, мольбой о помощи, утратив весь свой могучий авторитет и собственное достоинство. Страна оказалась на задворках истории, в готовности стать сырьевым придатком цивилизации, к чему всегда стремились США и западные страны.

Обидно, что об этом постоянно последние два года говорилось на съездах народных депутатов, на заседаниях Верховного Совета СССР, пленумах ЦК КПСС и т. д. Однако?! Однако ничего предпринято не было, чтобы не произошла трагедия.

Мы не собрались и не мобилизовались. Растоптав все свои знамена (а ведь нам было чем гордиться), продолжаем безжалостно вытирать ноги о свою священную историю в угоду и на радость Западу.

Но на этом история не кончается. Много выстрадал наш народ за 1000 лет! Верю, что у нас есть силы, которые вернут народу былую славу и создадут счастливую жизнь, пусть она будет даже без плюрализма.

В. И. Варенников.

19.11.1991 г.».

* * *

Вот такими были мои заметки на полях книги Горбачева «Августовский путч», сделанные в тюрьме «Матросская тишина» еще в ноябре 1991 года, т. е. когда Горбачев был у власти. К моему большому удивлению, после их публикации посыпалось очень много писем-отзывов. Они шли мне домой и в газету. Уверен, что направлялись и в тюрьму «Матросская тишина», но мне эти письма не попадали. Я чувствовал их всей своей душой. Чувствовал и благодарил народ за поддержку.

Позже, весной 1992 года, письма и телеграммы, адресованные мне, тюремная служба уже стала приносить. Передали мне письма и от однополчан, в том числе от Героя Советского Союза Ивана Николаевича Поцелуева. Кстати, позже мне рассказали, как он переполошил юристов одним своим высказыванием. Узнав о моем аресте, он уже на следующий день был в Москве. Мои близкие свели его с адвокатом и другими юристами. После рассказа Л. Беломестных о том, что произошло, И. Поцелуев заявил: «Я знаю Валентина Варенникова хорошо, но почему он, будучи в Форосе, не застрелил этого подлеца Горбачева? Просто странно!» Перепуганный Беломестных и другие начали его убеждать, чтобы он не сказал об этом при встрече с Генеральным прокурором.

Вообще реакция в стране на наш арест была однозначно отрицательная. И народ больше всего сожалел, что ГКЧП не довел дело до конца.

В первые же дни нашего пребывания в «Матросской тишине» у стен этой тюрьмы митинговало много народа. Особенно активно себя проявила «Трудовая Москва» под руководством В. Анпилова и единомышленники В. Жириновского. Они митинговали несколько дней, требуя нашего освобождения. Что касается «Трудовой Москвы», то она своими «атаками» старалась досаждать властям. Это продолжалось до глубокой осени.

Но власти особенно не волновались. Коль окна не бьют, ничего не поджигают и тем более не стреляют – ну, и пусть себе кричат. На то и демократия. А режим между тем делал свое дело…

Шло предварительное следствие. Шли допросы. Менялись обвинения, и опять шли допросы. А число обвиняемых становилось все меньше и меньше. В самом начале, приблизительно через месяц после ареста, по состоянию здоровья освободили В. И. Болдина и В. Ф. Грушко. Нас осталось двенадцать человек. Затем земляки Стародубцева крестьяне-туляки добились, что весной 1992 года Василию Александровичу изменили меру пресечения – его выпустили на волю и он стал работать. Отличный председатель колхоза, и колхоз у него выдающийся. Надо работать, давать стране хлеб, а не сидеть в застенках (да еще было бы за что). Но наши ряды продолжали таять. Вслед за ним выпал из процесса Геннадий Иванович Янаев по причине болезни его адвоката.

Нас осталось десять.

Дмитрий Тимофеевич Язов попытался пробить брешь в сознании властей и подал ходатайство об изменении меры пресечения, т. е. освобождение из-под стражи на подписку о невыезде. Вопрос рассматривался по месту нахождения тюрьмы – в Дзержинском районе. Судья, молодая женщина, выслушала пожилого маршала, а также адвоката, задала несколько ничего не значащих вопросов и затем «удалилась в совещательную комнату». Одна – сама с собой – посовещалась и, появившись в зале заседания, объявила: «Оснований для изменения меры пресечения нет!». Ранее принятое решение о пребывании в следственном изоляторе (тюрьме) осталось в силе.

Суд выглядел глупо, а вердикт звучал нагло. Судья, конечно, была орудием в руках определенных сил.

*** * ***

Для того чтобы читатель лучше представил, чем мы жили, о чем думали и что предпринимали в период проведения предварительного следствия в тюрьме «Матросская тишина», я скажу еще о трех документах, которые были тогда посланы.

Первый – это личное письмо к Председателю Верховного Совета РФ Хасбулатову, написанное в мае 1992 года.

Второй – это обращение к Председателю Верховного Совета РФ в июне 1992 года.

Третий – обращение к народным депутатам Верховного Совета РФ.

Во всех этих документах проводится одна и та же линия – настоятельная просьба о создании парламентской комиссии.

Ни на одно из этих писем ответа я не получил. Привожу здесь текст второго письма Председателю Верховного Совета РФ.

«ОБРАЩЕНИЕ К ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ВС РФ.

Скоро год, как члены ГКЧП и привлеченные им лица находятся в следственном изоляторе «Матросская тишина».

Первоначально им было предъявлено обвинение – измена Родине (ст. 64 УК РСФСР). Но через несколько месяцев Генеральной прокуратурой РФ оно было отменено за отсутствием состава преступления.

В конце ноября 1991 г. предъявлено новое обвинение – заговор с целью захвата власти (как самостоятельное преступление). Но в УК РСФСР такой статьи нет. Следовательно, придерживаясь требований законодателя, такое деяние не может быть объявлено преступным. Если допустить, что это формально. А что в действительности?

В действительности все лица, которые обвиняются в заговоре с целью захвата власти, уже были у власти и захватывать им эту власть не надо было. При этом у руля законодательной власти был Лукьянов, руководителем исполнительной власти был Павлов, за президента офи-

циально был оставлен Янаев, вся военная сила была в руках Язова, все силы и средства КГБ были у Крючкова, МВД – у Пуго, партийной – у Шенина, Совета обороны – у Бакланова. Но все они и другие арестованы, не оказывая никакого противодействия или сопротивления (рассчитывая, что во всем быстро разберутся). Надо отметить, что по указанию ГКЧП и отдельных его членов ни один орган в стране не ликвидирован и никто не арестован.

Расследование давно закончено. Следственная группа Генеральной прокуратуры РФ заявляет, что заговор был. Но это утверждение имеет только одну цель – сохранить «честь мундира». Чем можно оправдать такое длительное содержание людей в тюрьме? Только наличием преступления.

Но фактически заговора не было и преступления нет. Были определенные нарушения, которые не могут быть квалифицированы преступными.

Однако самое главное – если выходить в суд, не имея по этому делу политических оценок на основании выводов специальной комиссии Верховного Совета РФ, – будет провал. Такая комиссия должна была работать одновременно со следственной группой Генеральной прокуратуры РФ, решая свои вопросы и заодно контролируя работу этой группы (она допустила ряд грубых нарушений).

Случай не рядовой. Задержана вся верховная власть страны (задействован и Горбачев). Поэтому и отношение к этому случаю должно было быть особо внимательным.

Но сейчас оценки видны уже всему обществу – к катастрофе страну подвел Горбачев, а эти узники хотели хотя бы что-то сделать, чтобы этого не случилось. Это принципиально.

Мы предлагаем в возможно короткие сроки рассмотреть этот вопрос на Верховном Совете РФ и создать парламентскую комиссию по расследованию вопроса или закрыть дело, арестованных освободить из-под стражи. Тем самым молодая демократия подтвердит, что она действительно намерена создавать правовое государство.

В. Варенников.

18.06.92 г.»

Подобные обращения и письма мы посылали в различные инстанции на протяжении всего пребывания в «Матросской тишине», начиная уже с сентября 1991 года и до конца 1992 года включительно.

Однако никто во власти не был заинтересован в объективном разбирательстве дела ГКЧП. Разве что отдельные депутаты. Но их голос ничего не значил в общем реве необычной «демократии».

* * *

Попав в «Матросскую тишину», я сразу лишился всех лекарств. А ведь кое-что приходилось принимать уже на постоянной основе, чего в тюрьме, разумеется, не было. Мало того, осенью и с началом зимы несколько раз тяжело простудился. Лечение же было одно – таблетки от кашля. Начались воспаления в местах операций, проведенных в начале 1991 года. Рентген показал затемнение легких.

В результате меня положили в тюремную больницу. Две недели инъекций, таблеток, ударных доз антибиотиков – и все вошло в норму. Я вернулся в камеру. Опять пошли допросы, опять сменялись камеры, а вместе с ними и сокамерники. Вдруг начало побаливать сердце, поднялось давление, чего у меня никогда не отмечалось. Мне становилось все хуже и хуже. В камере все чаще начали появляться различные врачи. Затем меня обследовала медицинская комиссия. В ее составе были и наши военные врачи Андрей Андреевич Люфинг и Николай Григорьевич Сергиенко. 11 декабря 1992 года администрация тюрьмы предупредила меня: «Завтра вместе с охраной переезжаем в госпиталь».

Наступило 12 декабря. Я собрал все свои пожитки, а самое главное – исписанные мною в тюрьме тетради и различные книги с уголовными и уголовно-процессуальными кодексами, комментарии к ним и тому подобное.

Ехали на трех машинах. На первой – начальник тюрьмы полковник В. Панчук с охраной. На второй везли меня с охраной, впереди сидел капитан по имени Николай из Челябинского ОМОНА (мы с ним уже подружились), в третьей ехали только охранники. Таким поездом проехали почти через всю Москву.

Моему взору предстала ужасная картина: всюду тысячи ларьков, на всех улицах торговцы продают товары с рук, кругом грязь и мусор, везде снуют какие-то обшарпанные, озабоченные люди. Впечатление такое, будто попал в чужое государство. Я вздыхал и сокрушался: неужели такое творится по всей стране? Подобный «базар» в городах страны я видел на кинолентах, отснятых в 1917–1923 годах. Видно, гайдаровщина в Москве, как тифозная вошь в переполненных тюремных камерах, поразила очень многих. Над городом нависли свинцовые тучи грядущей катастрофы. Но больше всего меня удручило, что в обществе быстро формируется слой торгашей. Не производителей, а именно торгашей-спекулянтов, паразитов.

Привезли меня в Центральный военный госпиталь имени Бурденко. Там прошли в 11-е кардиологическое отделение – его возглавлял полковник медицинской службы Владимир Петрович Тюрин. Персонал встретил нас с испугом. Впрочем, любые переполошатся, если к ним нагрянет семь верзил в пятнистой форме, с автоматами. К тому же, оказывается, для меня и охранников освободили целый отсек на этаже.

В моей комнате размером два, два с половиной на три с половиной метра помещались кровать, тумбочка, небольшой столик и два крохотных стула. Был санузел. Мне эта комната показалась райским уголком. Все чистое, светлое, уютное, окна без металлических решеток, а на подоконнике цветы (почему их охрана не убрала?). Давно я не был в такой обстановке. Только от одного этого вида уже можно было излечиться от любых болезней. Я стоял у стола и улыбался. Панчук не вытерпел:

– Что-то у вас, Валентин Иванович, необычное настроение.

– Конечно, необычное. Увидел, как живут нормальные люди.

– Это верно… Но давайте разберем организационную сторону быта в новых условиях.

– Давайте.

И Валерий Никандрович подробно рассказал о порядке и о режиме в отсеке, где находится моя палата и будет располагаться охрана, которую обязали организовывать доступ ко мне врачей, доставлять пищу и убирать посуду. Во время каждого посещения врачей будет присутствовать охранник. Прогулки на период лечения отменены. Все вопросы – через дежурного охранника, как в «Матросской тишине».

Уточнив некоторые детали, он простился, пожелав мне напоследок укрепить здоровье. Мы посмотрели друг другу в глаза – я чувствовал, он хотел сказать еще что-то, вроде: «Желаю обратно в «Матросскую тишину» не возвращаться», но, помолчав, Панчук промолвил: «Периодически буду вас навещать».

Полковник уехал, а охранная команда осталась.

* * *

Устраиваясь в своей новой обители, я перебирал свои тетради, различные вырезки из газет. Попались мне и сообщения о трагической гибели маршала Сергея Федоровича Ахромеева и министра внутренних дел Бориса Карловича Пуго.

Не верилось, что маршал Ахромеев покончил жизнь самоубийством. Если даже предположить, что самоубийство все-таки было, я полностью его отвергаю, не верю, что он мог именно повеситься. Хотя в деле и имеются оставленные Сергеем Федоровичем записки, в которых он

рассказывает, как готовил шнуры, как они оборвались после первой попытки и какие он принял меры, чтобы шнуры не оборвались при второй самоказни.

В принципе факт самоубийства нельзя рассматривать однозначно (как это принято) как проявление малодушия и трусости. Да, в определенных случаях человек решает уйти из жизни в пьяном состоянии, в состоянии аффекта, в страхе и неудержимой трусости перед возможным возмездием или привлечением к ответственности. Все это бывает. Но бывает и другое: когда кристально чистый человек кончает с собой в знак протеста, когда он жертвует своей жизнью, не имея возможности протестовать иначе против режима и диких порядков, когда страна и ее народ страдают годами, а впереди не видно никакой перспективы (как у нас в начале 90-х годов). В этом случае не малодушие, а огромная сила протеста может заставить человека расстаться с жизнью.

Можно было бы этот второй случай отнести к Сергею Федоровичу Ахромееву. Но если знать его недостаточно. Мне же довелось провести вместе с ним многие годы. Нет, не мог он уйти просто так, бросив всех и все. Ахромеев должен был бороться. И он уже включился в эту борьбу, досрочно вернувшись с юга из отпуска. Он сам вменил себе в обязанность сбор и анализ информации по стране и занимался полезным делом.

Так как же погиб С. Ф. Ахромеев? Не исключаю мощного зомбирования, которое довело до полной утраты осознания своих действий, не исключаю и присутствия при этом постороннего лица…

В похожем состоянии, на мой взгляд, была и семья Пуго. Когда к ним пришли, его жена после смертельных в нее выстрелов из пистолета умирала. А Борис Карлович был уже бездыханный. Его же пистолет, из которого якобы он застрелил жену, а затем покончил с собой, лежал на прикроватной тумбочке (т. е. застрелил жену, затем себя, лежа в кровати, и… положил пистолет на тумбочку?!).

Первым у кровати Пуго почему-то оказался Григорий Алексеевич Явлинский с командой. То, что он «демократ», да еще и западник, – это всем известно, но какое отношение он имел к такого рода событиям – совершенно непонятно…

* * *

В первые сутки пребывания в госпитале меня осмотрели врачи (естественно, в присутствии охраны), и я готов был уже приступить к лечению, как вдруг 14 декабря 1992 года во второй половине дня старший охраны объявляет, что скоро ко мне приедет «начальство». На мой вопрос: «Что случилось? – охранник сказал, что сам ничего не знает. Конечно, я был встревожен и начал строить различные версии.

Действительно, вскоре ко мне в палату заходят сразу человек шесть или семь во главе с заместителем Генерального прокурора генералом Фроловым и полковником Панчуком. Хотят возвратить в «Матросскую тишину»? Но глядя на их светлые, торжественные лица (а Панчук – тот вообще широко улыбался), я сразу отверг это предположение. И даже немного подрастерялся – что случилось?

Небольшая комнатка была забита народом. Фролов и Панчук поздоровались со мной за руку, затем первый немного выдвинулся вперед и сказал: «Валентин Иванович, по поручению руководства я обязан объявить следующий документ». И дальше, развернув красную папку, стал читать постановление Генерального прокурора РСФСР об изменении мне меры пресечения – тюрьма заменялась освобождением из-под стражи и подпиской о невыезде. Когда генерал читал документ, размеренно, торжественно и громко, я почему-то вспомнил торжественный момент в Кремле, когда А. Громыко зачитывал Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении мне звания Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

Генерал Фролов закончил читать левитановским голосом этот исторический документ и торжественно вручил его мне. Затем тепло, сердечно поздравил с этим событием и сказал: «Будем надеяться на лучшее». Вслед за ним меня поздравили и остальные. Я был несказанно рад. И не только за себя, но и за всех присутствующих, которые искренне выражали восторг и удивление таким решением.

Затем появились журналисты Николай Мишин и Борис Куркин. Я был благодарен им за поддержку и помощь в издании брошюры «Судьба и совесть». Центральное место в ней занимало не только все, что случилось со мной и мои переживания в связи с тем, что произошло и что может ожидать наш народ, но и некоторые документы, которые уже можно было публиковать. В частности, одна из шифротелеграмм, которую я направил из Киева в Москву в адрес ГКЧП. Между прочим, почему-то некоторые члены ГКЧП в последующем говорили, что они якобы не видели этой телеграммы. Но такого не бывает. Шифротелеграмма докладывается соответствующему начальнику, как правило, немедленно.

Несколько слов о брошюре «Судьба и совесть». Я искренне благодарен Борису Александровичу Куркину за быструю и удачную компановку текста, который я наговорил во время наших с ним встреч в госпитале. Брошюра в 90 страниц фактически излагала суть происшедших событий, хотя и доминировали эмоции. Вот один из фрагментов:

«…Мне предъявлено обвинение в измене Родине с целью захвата власти, умышленном нанесении ущерба государственной безопасности и обороноспособности страны.

В связи с этим я уже сейчас могу заявить моим обвинителям (пользуясь их методом – до суда!) следующее.

Да, я выступил против мрака и позора, которые обрушились на нашу Державу. Но разве можно было дальше смотреть, как разваливается страна, ее оборона, нищает народ, рассыпается экономика, льется кровь в межнациональных конфликтах, расцветает преступность, как растлевают российских девушек – будущих матерей, как их продают в рабство за звонкую монету? Разве можно было дальше терпеть унижение нашей страны, холуйство и пресмыкание перед Западом?

Судите меня – я против всего этого! Против разложения и унижения своего народа! Против падения нашего Отечества! Найдите самую суровую статью за спасение человеческой души. Я только буду гордиться этим!

Осудите меня и за то, что я не предал слезы вдов, оплакивающих воинов – мужей, павших на полях сражений Великой Отечественной войны. Вам, поправшим мораль и человеческое достоинство, подвиги наших предков и отцов, будет на сей раз легко избрать мне любую меру наказания.

Судите меня! Не жалейте! Ибо вас будут судить принародно, начиная с Горбачева.

Судите, что чудом остался в живых и под Сталинградом, и на Зееловских высотах, и при штурме Берлина, и за то, что прошел на Параде Победы через Красную площадь!

Покарайте меня и за то, что четыре с лишним года старался максимально сохранить жизнь солдатам и офицерам, выводил к матерям, женам и невестам сыновей-воинов из Афганистана!

Что ж, судите!

А мало будет – припомните мне и Чернобыль! Вас, мои обвинители, я там не видел.

Во всех случаях свой крест я буду нести с достоинством. Чиста моя совесть перед Россией и народом».

Тепло и искренне благодарю Николая Лукьяновича Мишина, который в короткие сроки издал большим тиражом брошюру «Судьба и совесть», что позволило широко распространить ее по стране. Но особо трогательно то, что даже через несколько лет можно было где-то далеко от Москвы встретить человека, который после моей встречи с избирателями или ветеранами

подходил и просил меня оставить автограф на брошюре «Судьба и совесть». Листы ее уже пожелтели, и чувствуется, что она читана-перечитана. Следовательно, правду услышали многие. Такой вот случай, к примеру, был в ноябре 1999 года во Владикавказе – подошел ко мне не просто гражданин, а еще и однополчанин. Говорит, что брошюру прочитал весь район. Я сердечно поблагодарил его, пожелал всяческих благ и призвал на выборах в Госдуму проголосовать за достойных кандидатов.

* * *

В госпитале у меня побывали молодые политики Виктор Анпилов – руководитель «Трудовой Москвы» (а затем – «Трудовой России») и Виктор Тюлькин – первый секретарь Российской Коммунистической рабочей партии.

Я поблагодарил их за визит, а В. Анпилова и за то, что представители «Трудовой Москвы» с первых дней нашего ареста и на протяжении фактически всего пребывания в тюрьме постоянно находились у стен «Матросской тишины», требуя освобождения политзаключенных. Но это был не только визит вежливости. В течение многих часов (они приходили несколько раз) мы откровенно говорили обо всем, что произошло и что в этих условиях должны делать истинные патриоты, чтобы спасти Россию. Надо отметить, что по целому ряду позиций наши взгляды совпадали, особенно в оценке обстановки.

Нас удивляла и возмущала пассивность КПСС и народа в целом. А из КПСС мы особо выделяли профессионалов партийцев, тех, кто составлял аппарат ЦК, крайкомы, обкомы, горкомы, райкомы. Почему они не возмутились и не выступили в августе 1991 года против неконституционных действий псевдодемократов, начиная от сборища у здания Верховного Совета РСФСР (так сказать, «Белого дома») и до погромов всех партийных органов и союзных структур, а также открытого и наглого расхищения имущества и финансов партии?! Никакого протеста. Просто удивительно.

Видно, многие десятилетия нормальной, благополучной жизни стали порождать (особенно после Сталина) благодушие, самоуспокоенность, самоуверенность. Люди забыли о бдительности, а у определенной части руководства появились зазнайство, чванство, высокомерие. Они фактически оторвались от народа, а по большому счету, они и не знали свой народ. На высокие посты в партии попадали порой случайно, по протекции или указанию сверху.

Тем не менее авторитет ее оставался еще высоким, потому что многие годы страна не переживала кризисных ситуаций, не было безработицы, жизнь год от года улучшалась.

Наши добросовестные коммунисты, не имея опыта работы в условиях капитализма, не могли провести водораздела между истинным социализмом и нарождающимися капиталистическими тенденциями.

Лидеры оппортунизма Горбачев и Яковлев умело сталкивали различные течения в партии и одновременно КПСС сталкивали с зарубежными коммунистическими и рабочими партиями. Вполне понятно, что преступная перестройка, опираясь на махровый оппортунизм, фактически достигла своей цели по развалу страны. Ельцин же только перехватил этого троянского коня – перестройку и продолжал путь развала, назвав его реформами.

Беловежские соглашения в конце 1991 года, шоковая терапия и обвал цен в начале 1992 года в определенной степени отрезвили народ от иллюзий и заставили его переоценить все нововведения. Однако радикальных мер по приостановлению падения страны никто не принял. Конечно, в условиях крайне ограниченных возможностей оппозиции довести до народа истинно коммунистические взгляды крайне сложно. Еще сложнее поднять народ на какие-то радикальные шаги.

С этим все мы тоже согласились. Но в том, что дальше делать и как достичь цели (а цель одна – вернуть власть трудящимся), у нас пошли разногласия. Мои собеседники считали, что

делать это надо без союзов и без различных попутчиков. Я же приглашал их к диалектическому подходу, то есть исходить из реальных условий. А сама жизнь свидетельствовала о том, что в стране уже появился значительный пласт мелких и средних дельцов, которые занимают в обществе свое место и представляют определенную силу (ведь уже за окном 1993 год!). Я считал, что их интересы надо учитывать. При этом я опирался на пример с Брестским миром – он был для нас и позорным, и унизительным, и тяжелым, но в то время нельзя было не идти на его заключение, так как на карту ставилась судьба молодой республики.

Призывая своих молодых коллег к творческому подходу, я, к сожалению, не смог их убедить ни в первый, ни во второй раз, когда они приходили ко мне с визитом. Они не говорили открыто, но деликатно дали понять, что мой подход – это никакая не диалектика, не творческое мышление, а обычный оппортунизм, который опаснее открытого капитализма.

На этом мы с В. Анпиловым и В. Тюлькиным расстались. Позже было еще много встреч, но в основном на ходу: «Здравствуйте! До свидания!» – о чем я очень сожалел. Хотя с В. Анпиловым еще были возможности контактировать.

В те месяцы быстро, словно грибы после теплого летнего дождя, росли различные партии и партийки, в том числе и в коммунистическом движении. Одно дело – Коммунистическая партия Российской Федерации (КПРФ), которая насчитывает около полумиллиона членов партии, или Российская коммунистическая рабочая партия (РКРП), имеющая огромное число своих сторонников именно в рабочем классе. Но есть, к сожалению, и карлики, состоящие из лидера и нескольких десятков человек. Выглядят они жалко. Обидно за саму коммунистическую идеологию. Ее носители должны быть едины и по духу и организационно.

* * *

Размышляя на эту тему в госпитале, уже без стражи, я думал и о своих товарищах по «Матросской тишине». К середине декабря еще далеко не всем изменили меру пресечения, некоторые еще продолжали пребывать в тюрьме. На мои вопросы: «В чем дело? Почему не выпускают?» – мои друзья, которые приходили ко мне в госпиталь или звонили, отвечали однозначно: «В ближайшее время должны освободить всех». И хоть основная масса уже была на свободе, но кое-кого продержали в тюрьме до января – февраля 1993 года – до выхода постановления Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 26 января 1993 года, в котором говорилось о назначении судебного следствия.

Первое судебное разбирательство было назначено на 14 апреля 1993 года. Здесь же было сказано об изменении меры пресечения для всех, кто проходил по делу ГКЧП и все еще находился под стражей.

Теперь несколько слов об узниках, привлеченных к ответственности по делу о ГКЧП.

Геннадий Иванович Янаев входил в ту когорту наиболее активных общественных деятелей, которая составляла опору нашего государства (в том числе профсоюзы). Очевидно, по этим признакам, а также по определенным личным качествам Горбачев предложил его кандидатуру на пост вице-президента страны. Но Горбачев просчитался. Геннадий Иванович по своему складу не мог слепо проводить антинародную политику главы государства. Он однозначно перешел на сторону тех, кто выступил против линии Горбачева. Но его трагедия состояла в том, что, взяв на себя (по настоянию членов ГКЧП) тяжелую ношу – исполнение обязанностей президента страны, – Янаев фактически не имел постоянной сильной поддержки со стороны членов ГКЧП и не смог твердо управлять страной. Да, все они были едины, однозначно определили свой курс, что выражено в документах ГКЧП, но в организаторской работе должным образом себя не проявили. Обязав Янаева исполнять обязанности президента, многие считали, что этого вполне достаточно, все остальное само собой приложится. Так могло быть в нормальном государстве, но не в таком расшатанном, каким оно было, и тем более в то время.

Анатолий Иванович Лукьянов хоть и не был членом ГКЧП, но по распоряжению Горбачева проходил по этому делу. Генсек считал Лукьянова «своим кадром», он должен был работать на него, Горбачева. А тот вдруг поддержал ГКЧП. Форосский «узник» этого никак не ожидал.

Действительно, с приходом к власти Горбачев назначил Анатолия Ивановича заведующим Общим отделом ЦК (это высокая должность) и далее продвигал его по всем ступеням, вплоть до Председателя Президиума Верховного Совета СССР включительно. Естественно, работая в команде Горбачева, Лукьянов всячески помогал последнему. Имея высокую профессиональную подготовку и знания как доктор юридических наук, а также исключительные способности работать в высших сферах власти, Анатолий Иванович зарекомендовал себя в глазах общественности как достойный государственный деятель. Конечно, на всех постах, которые А. И. Лукьянов занимал во второй половине 80-х и в начале 90-х, он всячески способствовал Горбачеву. Но то же делало и подавляющее большинство партийного и государственного аппарата, не подозревая того, что Горбачев предатель. Поэтому и к Анатолию Ивановичу в этом отношении надо подходить, как и к остальным. Правда, уже в 1987-м и особенно в 1988-м и 1989 годах в политике Горбачева все больше и больше проявлялся прозападный флюс, чего нельзя было не заметить. Но все это многие относили к его, Горбачева, слабости и неспособности отстаивать наши интересы. После выборов народных депутатов СССР в 1989 году Анатолий Иванович всячески помогал Горбачеву проводить «центристскую» политику, что означало не становиться на сторону депутатской группы «Союз», куда входили истинные коммунисты. По существу же Горбачев и Лукьянов сдерживали наш «Союз» и ставили на его пути преграды, а Г. Попову и его компании по Межрегиональной депутатской группе, где гнездились псевдодемократы, давали зеленый свет. Однако все это я отношу к добросовестным заблуждениям А. И. Лукьянова. А вот назначение им сбора и открытия внеочередной сессии Верховного Совета СССР не на 20 или 21 августа, как просил весь ГКЧП, а на 26 августа – для меня до сих пор остается загадкой. Тем более что Российский Верховный Совет был собран 21 августа, хотя решение об этом было принято всего лишь вечером 19 августа. Анатолий Иванович говорил, что было трудно собрать депутатов в короткие сроки. Почему же с этой задачей справился Верховный Совет РСФСР?

О Валентине Сергеевиче Павлове. Это был эрудированный, интеллигентный, высоко профессионально подготовленный государственный деятель. Как председатель Кабинета Министров СССР из-за слишком краткого пребывания в должности проявить себя всесторонне он, конечно, не успел, но финансист он отменный. Являясь в свое время министром финансов, был высоко почитаем (видно, сказались не только личные природные данные, но и школа министра финансов СССР Гарбузова, который оставил после себя мощные кадры). Доступный, внимательный, но скрытный. Человек-загадка (может, финансисты все такие?). С твердым характером. Себя в обиду не даст.

Проявил свой характер Валентин Сергеевич и находясь в тюрьме, чем доставил много хлопот Генеральной прокуратуре и лично Степанкову и Лисову. Что же касается выполнения своих функций 18, 19, 20 и 21 августа 1991 года, то, как показывают документы, В. Павлов был якобы нездоров, что не позволило ему выполнить свои задачи, в том числе главную – встретиться и переговорить с Ельциным, как это было оговорено 17 августа 1991 года на объекте КГБ с названием «АБЦ». Возможно, и не было бы тех провокаций, с которыми столкнулись мы в эти дни. Но это лишь часть того, что осложнило ситуацию.

* * *

Отдельно следует сказать о Владимире Александровиче Крючкове. Он имел высшее юридическое и дипломатическое образование. Располагал богатым опытом работы и в трудовых

коллективах (начинал с рабочего), и в юридических органах (прокуратуре), и особенно в аппарате ЦК КПСС. Но служба сложилась так, что к 1991 году Владимир Александрович располагал уже почти 25-летним стажем работы в КГБ. За этот период он дослужился до председателя КГБ. Дорогу в эту область государственной деятельности ему открыл Ю. В. Андропов, с которым он в свое время близко работал, в том числе в период венгерских событий 1956 года.

Владимир Александрович был очень деятельный человек. Располагал отличной подготовкой и практикой, а также блестящим аналитическим умом. В обычных – спокойных – условиях жизни государства он успешно осуществлял и в Первом Главном управлении, а затем и в Комитете государственной безопасности все возложенные на него функции. В условиях же грядущего развала государства, конечно, нужен был «железный Феликс» Дзержинский или В. Е. Семичастный. Пожалуй, даже Ю. В. Андропова было бы мало (об этом свидетельствует факт его доклада на Политбюро ЦК в 1977 году о наличии в стране агентов влияния Запада и отсутствие мер по их ликвидации).

Дипломат наивысшего уровня из В. А. Крючкова был бы классный. Но на посту председателя КГБ он просто подставил себя под жернова истории: с одной стороны, он был обязан Горбачеву за пост председателя КГБ, да и субординация обязывала выполнять требования главы государства, а с другой – положение председателя КГБ обязывало его служить народу, выполнять требования Конституции по обеспечению безопасности государства, а не быть в услужении у «царя».

Зная о связях Яковлева (Александра Николаевича) со спецслужбами Запада и располагая неопровержимыми данными о его измене Родине, Владимир Александрович после доклада об этом Горбачеву (а последний наложил вето на проблему с Яковлевым) не предпринял никаких мер, не ослушался своего начальника. А как же интересы государства? А вот так, как мы их видим сегодня. Конечно, не все зависело от Владимира Александровича, но обеспечение госбезопасности – это, в первую очередь, обязанность председателя КГБ.

Сейчас уже всем ясно, что руководство КГБ, и в первую очередь его председатель, в 1991 году должно было видеть и знать, что Горбачев нас предал. Поэтому идти на какие-то полумеры (уговоры Горбачева и т. п.) было бесполезно. Наоборот, это всегда усугубляет обстановку. Но для решительного шага было необходимо мужество. К сожалению, его как раз и недоставало. Во взаимоотношениях доминировала инерция. А чтобы стабилизировать обстановку в стране, требовалось как минимум снятие Горбачева со всех постов. Законно! То есть на Верховном Совете СССР и на Пленуме ЦК. В обоих случаях докладчиком должен был выступить Председатель КГБ, который обязан был перечислить известные нам преступления Горбачева, и уже этого было бы достаточно не только для снятия его с занимаемых постов, но и для привлечения к уголовной ответственности.

Некоторые могут сказать, что автор этих строк крепок задним умом. Но ведь автору стало известно (как и всем остальным), что Горбачев предатель, только в результате проведенных следственных действий. А ведь все эти данные до этого уже были в руках КГБ.

Находясь в тюрьме и потом, выйдя на волю, я размышлял о роли в августовских событиях В. А. Крючкова и часто вспоминал его выступление на XXVIII съезде КПСС. Почему с первых своих слов Владимир Александрович защищал уже фактически опорочившую себя перестройку?

«…Перестройка, – сказал он, – явилась неизбежным и единственно возможным выходом из тупиковой ситуации, в которой наша страна оказалась к середине 80-х годов… Несмотря на огромные трудности, которые мы сегодня переживаем, перестройка войдет в историю, как начало очищения и самоочищения, как революция в революции. И какие бы сложности и испытания ни возникали на избранном нами пути, они не должны умалять значение перестроечных процессов».

Так ли все это? Во-первых, никакой тупиковой ситуации у нас в стране не было. Да, темпы роста валового продукта снизились. Но кризиса в стране не было. Это потом уже навесили на этот период ярлык «застоя». Во-вторых, когда перестройка уже опорочила себя по всем параметрам, говорить о том, что она войдет в нашу историю как «начало очищения и самоочищения» – значит закрыть глаза на все тревожные явления и открыто, слепо поддерживать Горбачева. В-третьих, призывать к тому, что, какие бы еще сложности на нашем пути ни возникали, мы не должны сомневаться в перестройке и умалять все ее процессы, – значило бросить вызов народу.

Понятно, что любой министр, а тем более силовые и председатель КГБ должны поддерживать президента. Но ведь есть еще и Конституция, государство, народ, которому все присягали, в том числе и президент, и председатель КГБ.

То, что Крючков с первых слов решительно поддержал Горбачева и его уже прогнившую перестройку, еще и еще раз подтверждает наличие в нашем обществе слепого поклонения вождю, идолу, лидеру, который мог, восседая на троне, независимо от своих возможностей и способностей, глаголить только истину.

Но что интересно, говоря об историческом (надо понимать – положительном) значении перестройки, Владимир Александрович тут же говорит и о ее пороках: о росте сепаратизма, межнациональных столкновениях, о гибели людей («убивают только за то, что они другой национальности»), о сотнях тысяч беженцев и т. д. Но всего этого в так называемом «застойном» периоде не было. Поэтому зал слушал и деликатно молчал. А вот когда В. А. Крючков сказал, что в «истории Советского государства наряду с серьезными ошибками и трагическими страницами было много положительного и славного и тот, кто пытается все изображать черными красками, тот или ничего не видит, или действует далеко не с чистыми помыслами» – когда это было сказано, делегаты наградили Владимира Александровича аплодисментами.

«Разве приемлемы для советского человека после 70 лет Советской власти перспективы массовой безработицы? – спрашивал В. А. Крючков. – Разве для нас приемлемы те масштабы преступности, наркомании, которые поразили самые цивилизованные страны капитала? Разве приемлемо для нас появление десятков и десятков миллионов человек, лишенных возможности иметь медицинское обслуживание, получать образование? А ведь в капиталистическом мире все это есть.

Мы идем к рынку, но не к рынку по Адаму Смиту – стихийному и безбрежному, а к рынку регулируемому, потому что на пороге XXI века было бы губительной ошибкой бросать страну в объятия рыночной стихии».

Верно все говорил Владимир Александрович. Одну только существенную «деталь» не подчеркнул: на рынок надо было смотреть как не на будущее, а уже состоявшееся. И именно по формуле Адама Смита и даже хуже (только начальная стадия). Ведь война законов, невыполнение законов центра – это уже произвол и беспредел не только на индивидуальном или групповом уровне, а на уровне области, края и даже республики. А В. А. Крючков своими речами вроде делал профилактику, повышал бдительность, а самое главное – вдохновлял поход в рынок. То есть защищал то, что сотворили авторы этого хаоса.

Надо отдать должное, тогда он четко обрисовывал ситуацию: «В стране образовалась теневая экономика, растет имущественное расслоение, появляется целый слой миллионеров, их уже десятки и десятки тысяч. На одном полюсе – роскошь, на другом – трудности и лишения. Не стоит ли нам задуматься над тем, к чему все это приведет?»

Смотрите, какие вопросы ставит председатель ведомства, которое содержится народом для того, чтобы оно обеспечивало государственную безопасность! Ведь уже и школьнику видно, что идет реставрация капитализма. За счет чего уже образовались «десятки и десятки тысяч миллионеров»? И если это так, то что делает КГБ? Где этот орган? Почему допустил развитие в стране антиконституционных структур?

А Владимир Александрович философски рассуждал: «Тот уровень размежевания, который сложился на сегодня, поставил перед каждым участником политического процесса главный вопрос: какое общество мы хотим построить? Ведь сама жизнь показывает, к чему все это ведет».

И опять у меня возникал вопрос: неужели комитету Крючкова это не было видно? А если было видно и все реально оценивалось, то где меры, обеспечивающие нашу безопасность?

Сложно все это выглядит.

А дальше?

Явно рассчитывая на эффект, В. А. Крючков далее сказал: «Нередко задают вопрос: куда, мол, смотрит КГБ? Вообще-то говоря, смотрит куда надо», – чем вызвал смех в зале и аплодисменты.

Но вот через год после этого разговора на съезде не стало Советского Союза. У России не осталось ни союзников, ни друзей, кроме Белоруссии. Уже и сама Россия еле дышит – разграблена и угнетена утратой своей экономической да и политической независимости. Уже нет великой державы, а есть третьестепенное государство с крайне нестабильной обстановкой.

* * *

Так, спрашивается, куда все-таки смотрел КГБ? Не скажет этого сегодня никто. Да и не надо – «поезд ушел»! Все пошло прахом. Проспали. Государственная безопасность не была обеспечена. Почему? А все потому же – слепое преклонение перед постом руководителя государства и отсутствие, так сказать, механизма отстранения его от власти, если требует обстановка, и отсутствие контроля за ним со стороны народа, парламента.

Некоторые политики (типа Яковлева) всячески старались ограничить деятельность КГБ, называли его даже монстром и т. п. Это в какой-то степени, к сожалению, влияло на руководство КГБ, и оно тоже старалось «перестроиться», стать более демократичным, гласным. А на мой взгляд, органам КГБ в этот период нельзя было играть в эти игры. Комитет у нас был прекрасный, и ничего не надо было перестраивать. Следовало лишь обострить чувство бдительности и повысить требовательность к нарушителям закона и безопасности. Вот это было бы отлично.

А Владимир Александрович хвалился на съезде:

«Упразднено управление комитета, занимающееся борьбой с идеологическими диверсиями. При участии органов КГБ отменена норма закона об уголовной ответственности за антисоветскую агитацию и пропаганду».

Спрашивается, кому это было нужно, нашему народу? Нет! Это нужно было врагам Советского Союза – внутренним и внешним. Как можно упразднять указанное управление и убирать из законов ответственность за антисоветскую пропаганду в условиях, когда спецслужбы Запада пошли уже открыто походом против Советской власти и социализма? Ведь образованные в ряде республик так называемые «Народные фронты» не только финансировались и материально обеспечивались Западом (оргтехникой, печатной техникой, теле– и видеокамерами, кинопередвижками, радио и т. д.), но даже имели своих посланцев в этих «фронтах». Особенно преуспевало ЦРУ Соединенных Штатов: у главы Литвы Ландсбергиса в штате(!) правительства было несколько американцев на должности советников. И никто этого не скрывал, «советники-разведчики» открыто вели антисоветскую пропаганду, организовывали различные провокации и диверсии.

А что предпринимал в ответ наш КГБ? Пребывая весной 1990 года в Вильнюсе с группой военных, я был крайне возмущен действиями «Саюдиса», лично Ландсбергиса и американских советников при нем. Об этом было доложено руководству в Москву. Какие же последовали меры? Никакие! Полное молчание в ответ.

Так куда же все-таки смотрел КГБ?..

И в заключение своего выступления на съезде В. А. Крючков очень правильно сказал:

«Опыт пяти лет перестройки показывает, что социализм, демократия нуждаются в защите. Экстремисты действуют все более дерзко, широко используя оружие, подстрекают людей к совершению государственных преступлений. Пресечение преступной деятельности подстрекателей, экстремистов мы рассматривали как свою важную задачу.

Комитет государственной безопасности, защищая интересы государства, общества, нуждается в морально-политической поддержке народа. Чекисты находятся на остром участке борьбы и, видимо вы заметили, подвергаются откровенным попыткам шельмования и дискредитации, как, впрочем, и наши Вооруженные Силы… Уж больно кому-то мы мешаем?»

Верно, КГБ мешал. В первую очередь горбачевым, яковлевым и ЦРУ. А вот то, что социализм надо было защитить, В. А. Крючков отметил очень точно. Но, к сожалению, это были всего лишь слова. Никаких действий на этот счет со стороны КГБ мы не видели ни в Прибалтике, ни на Кавказе. Это факт…

Интересно, что В. А. Крючкову, как члену Политбюро, делегаты адресовали ряд вопросов. Например, о возможной деполитизации органов КГБ.

Владимир Александрович пояснил: «Органы государственной безопасности по своему предназначению призваны действовать в политической сфере. Они защищают главное, что есть в политике, – государственные и общественно-экономические устои страны, конституционный строй, политическую власть Советского государства. Выхолостить из их деятельности политическую суть – значит превратить чекистов в ремесленников, не имеющих политических принципов и ориентиров… Тезис о деполитизации органов КГБ на нынешнем этапе отражает политику одних и заблуждение других».

Все верно и точно. Но опять меня мучила горечь сомнений. Конечно, по истечении многих лет легко критиковать любого за ошибки и просчеты. Сталин и Петр Великий тоже критикуются. И все-таки в связи с этим ответом В. А. Крючкова невозможно не спросить: так если наши чекисты оставались чекистами и у них были наши, общие политические принципы и ориентиры, то почему они не защитили главное – государственные и общественно-экономические устои страны, конституционный строй и политическую власть Советского государства?..

Когда же председателю КГБ задали вопрос о межнациональной розни и сепаратизме, Владимир Александрович сказал: «Демократизация, гласность высветили накопившиеся десятилетиями теневые стороны в области межнациональных отношений».

Такой умный человек, как В. А. Крючков, конечно, понимал, что до перестройки дружба народов в СССР была не фикция, а реальность. Она прошла невиданные, многолетние испытания в огне тяжелейшей войны и не только выдержала это испытание, но и закалилась, что в свою очередь обеспечило высокие темпы восстановления и развития народного хозяйства страны в послевоенные годы. Гитлер рассчитывал, что с первыми ударами немецко-фашистских войск многонациональный Советский Союз развалится. Но эффект был совершенно противоположный. Именно истинная дружба всех наших народов стала одним из важнейших факторов, который сделал Советский Союз Великой Державой.

И ничего у нас десятилетиями не копилось – это все от лукавого или это просто надо было сказать в интересах Горбачева.

Отвечая на вопросы о теневой экономике и вообще о росте организованной преступности, Владимир Александрович назвал целый ряд конкретных примеров проявления этих болезней нашего государства, отметил, что теневая экономика имеет политический аспект. Но о мерах или намерениях снова ничего не сказал. Много говорил о предателе Калугине, коснулся и некоторых других, кто изменил нашей Родине, а также подчеркнул, что Запад не собирается сворачивать свои разведывательные планы против СССР. В итоге же В. А. Крючков отметил,

что КГБ будет расширять гласность «в собственной работе», тем самым еще раз подчеркнул приверженность курсу перестройки.

Я не был удовлетворен выступлением В. А. Крючкова ни тогда, на съезде, ни потом, когда, находясь в тюрьме и по выходе из нее, я в сотый и тысячный раз пытался понять, почему рухнула наша могучая страна?

Может, поэтому я с повышенной требовательностью анализировал свои и чужие поступки, а особенно тех, кто мог и должен был пресечь действия предателей, но не сделал этого.

* * *

О Дмитрии Тимофеевиче Язове – министре обороны СССР, маршале Советского Союза. Одно то, что он сибиряк, уже о многом говорит. Неудивительно, что, когда грянула война, он приписал себе год (в деревнях в то время паспортов не было), чтобы попасть на фронт и защищать Родину. Его немного подучили, как и всех в то военное время, и послали на Волховский фронт. Командир взвода, командир роты. Как мало осталось после войны в живых из тех, кто командовал ротами. Вообще, тот, кто был в стрелковом полку взводным, ротным или батарейным командиром и остался жив – все равно что вытянул счастливый билет. Вот и Дмитрию Тимофеевичу повезло, как немногим другим сверстникам.

Далее служба от Крайнего Запада до Крайнего Востока – таким прекрасным послужным списком может похвалиться далеко не каждый военачальник. Естественно, с таким опытом можно руководить Вооруженными Силами. А шестьдесят с небольшим лет – это для министра обороны расцвет сил.

Но нельзя отбросить и тот факт, что Д. Т. Язов приглянулся Горбачеву, когда тот служил на Дальнем Востоке. Округ – громадный: одна четверть всех Вооруженных Сил. Опыт – богатый. Знания – отменные. Поэтому, по окончании поездки Горбачева, Дмитрий Тимофеевич был назначен заместителем министра обороны. И вдруг на Красной площади приземлился на своем самолетике некий Руст – немец по национальности, провокатор по специальности, работник спецслужб Запада по принадлежности, что и стало причиной замены министра обороны. Заменили. Министром стал Д. Т. Язов. Все пошло нормально, но звание маршала новому министру Горбачев не дает, тянет. На третьем году такой тянучки на заседании Главного Военного совета страны 18 октября 1989 года, кроме других вопросов, был поставлен и вопрос о маршальском звании министру обороны. Горбачев пообещал, но тянул до следующего года. Почему тянул? Да чтобы приручить к себе министра, сделать его покорным и послушным.

Крупных учений, по указанию Горбачева, в Вооруженных Силах мы уже не проводили, чтобы не раздражать американцев (единственным исключением были маневры в оперативных границах Одесского военного округа и Черноморского флота летом 1990 года). Войска наших Вооруженных Сил спешно выводились из стран Восточной Европы, как и из Монголии, в неподготовленные районы. Сокращение обычных вооружений и Вооруженных Сил, как и стратегических ядерных сил, проводилось по рецептам Запада. Группировки наших войск в европейской части до Урала были определены фактически США и т. д. Все это делалось (или не делалось) по личному указанию Горбачева.

Конечно, Д. Т. Язов тяжело все это переживал, но ничего поделать не мог. Нужны были мощные совместные (с другими силовыми министерствами) усилия. Доклад Дмитрия Тимофеевича 17 июня на закрытом заседании Верховного Совета СССР, как и доклады Павлова, Крючкова и Пуго, был демонстрацией неудовлетворенности политикой Горбачева. Отсутствие реакции со стороны президента СССР вынудило его в общении с другими руководителями искать выход. И выход был найден, хоть и не был радикальным. Жаль, что не хватило напора, чтобы довести дело до конца. Жаль и то, что Дмитрий Тимофеевич не провел личной беседы

с каждым членом коллегии Министерства обороны и не убедил в необходимости действовать сплоченно и во имя народа. В коллегии началась возня. А некоторые ее члены даже отдавали распоряжения вопреки интересам ГКЧП (и, следовательно, министра обороны). Например, начальник Генерального штаба генерал армии Михаил Алексеевич Моисеев по просьбе из Белого дома отдал распоряжение в Главные штабы ВВС и ПВО, чтобы они пропустили и приняли самолет на военном аэродроме Бельбек (Крым), на котором летел Руцкой с командой «спасать» Горбачева. Этот самолет вылетел несколько позже самолета министра обороны, который уже ждал аудиенции у Горбачева, но так и не дождался. Это была не ошибка М. А. Моисеева.

В. А. Крючков не позаботился о своей безопасности, и Д. Т. Язов тоже не сделал этого. Можно представить наивность этих двух крупнейших начальников. Они считали, что, летая в Советском Союзе в любое время и в любое место, они в полной безопасности – никто не позарится на их личность: все-таки союзные министры! Да еще и какие! Но оказалось, лететь к врагу надо «вооруженным», а в затеянной круговерти не упускать инициативу, наоборот, наращивать усилия и привлечь для обеспечения безопасности страны необходимые силы – вот тогда и появится возможность для свободы действий. Ведь действия же были во благо нашего народа!

Когда случилось несчастье и всех из-за их поразительной беспечности арестовали, то что-то предпринимать было уже поздно. Очень жаль, что получилось все так нелепо и прискорбно. Но больнее всего осознавать все это, когда видишь нынешнюю реальную жизнь.

* * *

Об Олеге Семеновиче Шенине можно писать много, хотя мне удалось с ним познакомиться только в 1990 году. Являясь членом Политбюро и секретарем ЦК КПСС, Олег Семенович все же не имел достаточного времени, чтобы пустить глубокие корни в центральном аппарате. Однако, на мой взгляд, он уже знал, кто есть кто, и четко представлял, с кем и о чем можно было говорить, чтобы не подставить себя и других. Во всяком случае, военным он верил и даже в некоторые поездки брал наших представителей (например, в Прибалтику с ним ездил генерал Юрий Иванович Науман – из Политуправления Сухопутных войск, один из сильнейших офицеров).

Конечно, Шенин это не Медведев и не Ивашко, которые, не выпуская из поля зрения Генерального секретаря ЦК КПСС, действовали по принципу: «Что угодно?» Олег Семенович имел свое мнение и твердо его отстаивал, проявился его характер и во время августовских событий 1991 года. Без каких-либо колебаний он стал на сторону тех, кто был не согласен с политикой Горбачева. Жаль только, что рабочий класс и коммунисты Москвы допустили сборище у Белого дома и не разогнали эту пьянь. Для этого даже милицию не надо было привлекать, не говоря уже о войсках Московского военного округа.

Олег Семенович и на предварительном следствии, и в суде сделал категорические заявления по событиям августа 1991 года. Он принципиально не признал себя виновным. Убедительно показал, что дело сфабриковано и направлено против тех, кто хотел предотвратить развал нашего государства. О Горбачеве он сказал однозначно, четко и ясно: «Президент СССР преступно относился к выполнению возложенных на него обязанностей, нарушил клятву по защите Конституции СССР, данную съезду народных депутатов СССР». Действительно, это было именно так. Но когда об этом говорит член Политбюро ЦК, работающий вместе с Горбачевым, то это звучит еще более убедительно…

Олег Дмитриевич Бакланов известен мне с начала 80-х годов как сильный министр в общей системе министерств, входивших в военно-промышленный комплекс. За личные достижения в производстве удостоен высокого звания Героя Социалистического Труда. Он имел

непосредственное отношение к созданию и поддержанию на должном уровне советского ядерного щита, в том числе обеспечивал суперсовременный уровень нашего пребывания в космосе. Высокие знания и отменные организаторские способности плюс доступность позволили ему в короткие сроки встать в ряд лучших министров страны. Неспроста его взял Горбачев вначале секретарем ЦК КПСС по оборонным вопросам, а затем сделал первым заместителем председателя Совета обороны (Горбачев считался председателем, но он не мог на постоянной основе заниматься этим органом, поэтому была введена такая должность). Но, на мой взгляд, Горбачев умышленно увел Бакланова с этого министерства, так как последний пользовался там непререкаемым авторитетом и действовал самостоятельно, не поклонялся и не угодничал. А это для генсека-президента опасно.

Олег Дмитриевич помогал мне (как Главкому Сухопутных войск) «пробивать» – вначале через Н. И. Рыжкова, а затем через В. С. Павлова – вопросы, связанные с созданием совместных (с венграми, чехами, немцами) предприятий на базе той недвижимости, которая оставлялась нами в Восточной Европе. С помощью этих предприятий и тех, что мы намерены были создать у нас в стране, предполагалось решать все проблемы с жилищным строительством для офицеров. Жаль, что все это в августе 1991 года рухнуло.

В 1991 году О. Д. Бакланов без колебаний встал в ряд истинных патриотов страны и выступил против политики Горбачева. И когда грянули августовские события, именно он всегда занимал самую активную позицию, подталкивая других членов ГКЧП к действиям. Именно Олег Дмитриевич вел основную беседу с Горбачевым в Форосе. Именно он всегда занимал в течение 19, 20 и 21 августа 1991 года четкую и ясную позицию.

Когда же мы оказались в тюрьме, то на допросах он, как и многие другие, однозначно заявлял о своей невиновности и говорил, что преступление совершили те, кто разваливал Советский Союз. Олег Дмитриевич вместе с В. А. Стародубцевым был моим сторонником, когда встал вопрос об амнистии и я предложил отказаться от нее и требовать, чтобы нас судили.

* * *

О Герое Социалистического Труда Василии Александровиче Стародубцеве. Писать о нем – значит пересказывать все то, что давно известно нашему народу и далеко за рубежом. Это действительно личность. В. А. Стародубцев – воплощение нашего настоящего крестьянства. Он целиком и полностью отдал себе идее – сделать жизнь крестьянства, нашего Отечества действительно счастливой.

Василий Александрович доказывал преимущества крупного сельскохозяйственного производства не только теоретически, но и практикой колхоза имени Ленина, где он долгое время был председателем. Иностранцы специально приезжали в нашу страну, чтобы посмотреть этот колхоз, и не верили своим глазам, что вот так прекрасно, благоустроенно и всесторонне обеспеченно могут жить в Советском Союзе колхозники.

С Василием Александровичем мы познакомились в 1989 году на Первом съезде народных депутатов СССР, хотя о нем я слышал давно и видел в нем настоящего лидера крестьян нашей державы. Его яркие речи вдохновляли и мобилизовывали народ. Но самое главное, что в корне отличает его от многих других политиков-популистов, так это то, что его позиция зиждется на живых примерах жизни, на его собственной деятельности, и это не фантазия. А если уж он сказал, что будет что-то сделано, то в этом ни у кого не было сомнений.

Вот почему организаторы выступления против политики Горбачева включили его в состав своей группы, даже не переговорив с ним. Знали, что он разделяет линию, изложенную в документах комитета (в принципе любой нормальный человек, кому дорого наше Отечество, поддержал бы эти документы). Авторитет В. А. Стародубцева для создателей ГКЧП был очень важен.

Крестьяне-туляки, узнав, что В. А. Стародубцев был арестован и помещен в «Матросскую тишину», митинговали у стен тюрьмы до тех пор, пока его не освободили. Власть увидела, что она беспомощна и ничего с колхозниками не поделает. В мае 1992 года Василий Александрович оказался на свободе.

Во время пребывания в тюрьме, несмотря на мощное давление властей, ни один орган, куда Василий Александрович был избран, не освободил его от занимаемого поста. Наоборот, от этих организаций в различные инстанции направлялись ходатайства об освобождении. Он оставался председателем Агропромышленного объединения «Новомосковское», председателем Всероссийского совета колхозов, председателем Союза аграрников России, а затем – председателем Крестьянского союза СССР, членом-корреспондентом Российской Академии сельскохозяйственных наук и председателем колхоза. Показателен тот факт, что за ним не только сохранились все те посты, что ему доверил народ, но позднее земляки избрали Василия Александровича губернатором Тульской области.

В тюрьме и на суде В. А. Стародубцев держался достойно, как и подобает истинному патриоту нашей Родины.

Об Александре Ивановиче Тизякове. Он с Урала. Это такой же ас, как и В. А. Стародубцев, только в области промышленности, точнее, в военно-промышленном комплексе. Он постарше, участник Великой Отечественной войны. Человек умный и открытый. Терпеть не мог лжи и махинаций. Но когда ему приходилось встречаться с этими проявлениями, он взрывался, и его гневная, мощная тирада могла сразить любого. Прекрасно знал промышленное производство. Естественно, что среди промышленников Александр Иванович пользовался исключительным авторитетом. Глубоко видя перспективы нашей промышленности, он многократно обращался к президенту и правительству СССР с предложениями по организации производства и по приоритетам, которые могли бы обеспечить нам первенство в мире. И это действительно было возможно. Но реальной поддержки он не получил. И сегодня понятно – почему.

Во время августовских 1991 года событий он вошел в состав ГКЧП, как и В. А. Стародубцев. Полностью согласился с программой, но постоянно требовал решительных действий. Сам вызвался на поездку в Крым к Горбачеву, когда туда летели Крючков и Язов: был намерен своей железной логикой убедить президента СССР в необходимости введения чрезвычайного положения там, где требовала обстановка, и отказаться от подписания нового Союзного договора, подготовленного в Ново-Огареве. Но, как известно, Горбачев, по натуре являясь трусливым и мстительным человеком, никого не принял, кроме А. И. Лукьянова.

А. И. Тизяков твердо и уверенно держался в тюрьме и на суде проявил себя истинным патриотом. Жаль, что его состояние здоровья не позволило быть до конца вместе с нами. Такие личности, как он, – верная опора государства в развитии промышленности.

* * *

И, наконец, о двух генералах КГБ, которые не были членами ГКЧП, но тоже, как и мы, были привлечены к ответственности – это бывший начальник 9-го Главного управления КГБ Юрий Сергеевич Плеханов и заместитель начальника Главного управления Вячеслав Владимирович Генералов.

Оба глубоко порядочные, честные и добросовестные работники Комитета. Они сознательно шли вместе с руководством страны, прекрасно понимая, что речь идет о ее спасении, а не о каком-то захвате власти. Их действия – это действия патриотов своего Отечества. В своих показаниях они представили следствию все именно так, как было на самом деле. И правильно поступил Владимир Александрович Крючков, когда ходатайствовал об их освобождении из-

под стражи, так как они ни в чем не виновны и в своих действиях руководствовались его приказом как председателя КГБ.

Ю. С. Плеханов и В. В. Генералов – олицетворение генералов КГБ, преданных своему народу.

Первый суд над ГКЧП

Как было здорово, что мы наконец-то избавились от самодурства Генеральной прокуратуры! Хоть нам и не было известно, что именно ждет нас в суде, но сам факт передачи дела в суд уже много значил.

Вскоре был определен состав суда, которому предстояло рассматривать наши дела. Председательствовать будет заместитель председателя Военной коллегии Верховного Суда РФ генерал-лейтенант Анатолий Тимофеевич Уколов. Народными заседателями – генерал-лейтенант Юрий Дмитриевич Зайцев (в отставке) и генерал-майор Павел Иванович Соколов (служит в Вооруженных Силах). Кстати, генерал-лейтенант Зайцев был моим сослуживцем по Заполярью – мне довелось в свое время командовать 54-й мотострелковой дивизией (штаб дивизии и ряд частей стояли в Кандалакше), а он командовал ротой, затем батальоном в 279-м мотострелковом полку нашей дивизии в Пинозере.

Председательствующий принял постановление, в котором определялось, что дело взято к производству, первое судебное заседание дела назначается на 14 апреля 1993 года. А в феврале 1993 года нам выдали обвинительное заключение в пяти томах. Таким образом, для подготовки к суду оставалось всего два с небольшим месяца. Заседания планировалось проводить в здании Военной коллегии Верховного суда РФ. Поскольку оно располагалось не так далеко от моего дома, то это облегчало мое положение, как и некоторых других, кто тоже проживал неподалеку.

На первом суде подсудимых было двенадцать (перечисляю в последовательности, которая определена уголовным делом): Г. И. Янаев, А. И. Лукьянов, В. С. Павлов, В. А. Крючков, Д. Т. Язов, О. С. Шенин, О. Д. Бакланов, В. И. Варенников, Ю. С. Плеханов, В. В. Генералов, А. И. Тизяков, В. А. Стародубцев.

Этих обвиняемых защищала сильная группа адвокатов: А. М. Хамзаев, Г. П. Падва, А. М. Гофштейн, А. П. Галоганов, Ю. П. Иванов, Н. М. Пилипенко, А. С. Абельдяев, Н. В. Печенкин, И. И. Мацкевич, П. Я. Крайний, А. К. Шмырев, Д. Д. Штейнберг, Г. М. Резник, Е. Ю. Львова, В. В. Халмаш, Ю. Б. Поздеев, Г. Г. Каджардузов, И. П. Грицюк.

Государственные обвинители были представлены от Генеральной прокуратуры РСФСР в следующем составе: Э. Г. Денисов (руководитель группы), Л. М. Сюкасев, О. Т. Анкудинов, Р. Р. Барсегян, А. Б. Данилов, В. П. Митюшов, В. Н. Пронин, В. В. Смыков, В. Е. Фадеев. Всего девять человек.

Никто из перечисленных лиц мне не был знаком.

В феврале 1993 года Верховный суд вручал нам Обвинительное заключение по уголовному делу № 18/6214-91. Председательствующий суда определил место в здании суда, где мы можем собираться и, пользуясь материалами предварительного следствия (т. е. 150-ю томами дела по ГКЧП), готовиться к очередному судебному следствию.

Это было очень удобно. Первую половину дня я мог работать с необходимыми материалами и общаться со своими товарищами, с адвокатом, а после обеда продолжать подготовку уже дома. На мой взгляд, условия для нашей работы были созданы нормальные. Теперь многое зависело от нас самих.

Однако в нашем коллективе первоначально складывалась, на мой взгляд, не совсем открытая обстановка. В аудитории, отведенной нам для работы, было установлено множество столов так, чтобы можно было свободно общаться и советоваться. Но многие почему-то работали со своими адвокатами обособленно. Переговорив с рядом товарищей, мы прямо поставили вопрос: индивидуализм может навредить и даже подорвать нашу позицию. Дело общее, поэтому общим фронтом и надо выступать, а, следовательно, принципиальные вопросы обсуждать сообща, независимо, от кого они исходят. В том числе это касалось и будущих ходатайств.

С нами согласились все. Да и не могло быть иначе. И хоть в деле ГКЧП каждый из нас имел свое место и играл разную роль, все мы были объединены одним убеждением – действия наши были правомерны.

Еще до начала заседания мы определились по поводу всех общих ходатайств и тех, что должны были быть заявлены каждым из нас. Уже на этом этапе мы полностью подготовились к тому, чтобы активно участвовать в судебном процессе. Таким образом, наша договоренность сыграла большое значение. Мы и в последующем, уже в ходе судебных заседаний, собирались в перерывах, живо обсуждали ту или иную проблему, вырабатывая единый взгляд и определяя порядок и тактику наших последующих действий. Каждый из нас испытывал удовлетворение от того, что все мы хорошо организованы и сплочены.

Это было очень важно.

* * *

Наступило 14 апреля 1993 года. Различные общественные организации к 9 часам утра организовали на Калининском проспекте (Новом Арбате) многотысячный митинг в поддержку привлеченных по делу ГКЧП к суду. Но наиболее весомое место занимала «Трудовая Россия» во главе с В. Анпиловым. И вся эта огромная масса людей, после коротких речей, двинулась к зданию Верховного Суда РФ. Мне довелось увидеть много знакомых лиц. Все были возбуждены, торжественны и решительны. Встречный дружеский взгляд и несколько ободряющих слов – это была самая высокая духовная поддержка. Все-таки Виктор Иванович Анпилов молодец! Ему и всей «Трудовой России» мы премного благодарны не только за эту акцию, но и за солидарность в ходе всего судебного процесса, когда самоотверженные москвичи ежедневно, не считаясь ни с чем, приходили к зданию Верховного Суда и весь день, пока не заканчивалось судебное заседание, стояли в пикете и периодически скандировали различные лозунги. Это была реальная сила и реальная, эффективная поддержка.

Итак, вся многотысячная процессия двинулась к Верховному Суду. Все переулки и улочки, которые вели к зданию суда, были заполнены народом. Нас просто «внесли» в это здание, придав сил и мужества. И невозможно выразить всю теплоту к этим людям и благодарность к ним за все, ими сделанное. Поэтому-то каждый раз, когда мне и сегодня удается с ними повидаться, я обязательно искренне говорю им: «Спасибо!»

…К установленному времени мы вместе с адвокатами заняли свои места в зале заседания. Правда, перед этим случилась небольшая заминка. Руководство суда хотело, чтобы все обвиняемые сели в первом ряду, а их адвокаты – во втором и третьем. Нас это не устраивало. Мы сели так, как было удобно, т. е. каждый со своим защитником (или защитниками, как, например, у Лукьянова, Крючкова, Язова и некоторых других). А я занял место у прохода – крайнее и ближе к двери. Сердце меня все-таки беспокоило, и я на всякий случай предусмотрел и такую позицию.

В зале заседания на своих местах уже были все, кто обеспечивает работу суда, представители Генпрокуратуры, адвокат пострадавших, родственники пострадавших и, конечно, полный зал народа. Желающих попасть было очень много, но впускали по пропускам ровно столько, сколько было мест.

Зал суда – довольно просторное помещение – можно разделить условно на две части, чему способствовали и входные-выходные двери, расположенные приблизительно посередине длинных стен. Ими пользовались фактически все, кроме судей, которые входили в зал в специальные двери, расположенные ближе к судейскому столу. Этот стол был огромный и к нему были приставлены такие же массивные, с очень высокой спинкой стулья-кресла. Справа располагались ряды со столами и стульями для обвиняемых (точнее – подсудимых) и их защитников, слева, за столами в два ряда, – государственное обвинение (т. е. группа от Генпрокуратуры),

рядом с последними стоял отдельный стол для адвоката «потерпевшей» стороны. Считалось, что это родственники трех молодых москвичей, погибших на Садовом кольце в ночь с 20 на 21 августа. Перед судейским столом, который высоко возвышался над всем залом, размещался секретариат суда и другие обеспечивающие процесс работники. Посередине, как остров, стояла одинокая трибуна, которая служила для допроса свидетелей, а позади этой трибуны шли ряды уже обычных судейских лавок, стоявших вплоть до стены с окнами, выходящими на улицу. За окном – бурлящий народ и повседневная жизнь.

* * *

14 апреля 1993 года в 10 часов утра комендант суда подал команду: «Прошу встать. Суд идет!» Все поднялись. Началась новая историческая страница в жизни нашего народа – мы решили попытаться на фоне этого суда показать, что же произошло у нас в стране. Я стоял, как все, волновался и думал: будет ли правосудие или нас ждет расправа, как того требовало лживое и циничное обвинительное заключение Генпрокуратуры? Сколько продлится суд – месяцы или годы? Что явится решающим фактором и сможет повлиять на суд? То, что от нас, подсудимых, лично будет зависеть многое, это несомненно. Но народная поддержка, поддержка различных движений и партий тоже многое значили, как и правдивое освещение нашими немногочисленными газетами истинного состояния дел.

Торжественно вошли судьи. Впереди председатель, за ним – два народных заседателя. Все в черных судейских мантиях. Это было впервые, поэтому и сами судьи, и присутствовавшие в зале поначалу, на мой взгляд, испытывали некий дискомфорт. Однако вскоре все к нововведению привыкли.

С первых минут и часов работы суда мы почувствовали, что идет строгое, педантичное выполнение всех требований Уголовно-процессуального кодекса. Генерал-лейтенант А. Т. Уколов сразу взял бразды правления в свои руки и не допускал ни малейших отклонений, ни тем более каких-либо нарушений со стороны участников процесса. В то же время проявлял терпение там, где другой бы на его месте давно бы выступающего оборвал. В целом на заседании суда сразу воцарился строгий, но справедливый порядок. Это способствовало утверждению авторитета суда, а у нас – подсудимых и защитников – зарождалась, хоть еще и весьма туманная, вера и надежда на справедливое разбирательство.

После выполнения установленных формальностей – проверки явки на суд участвующих сторон, выяснения основных данных каждого подсудимого, разъяснения им своих прав и обязанностей – начались высказывания ходатайств обвиняемой стороны, различные заявления всех сторон. Многие адвокаты умело использовали широкое присутствие на суде средств массовой информации и, блистая своей эрудицией и логикой, один за другим задавали вопросы четко, ясно и эмоционально. И если кто-то из них хотел быть похожим на прославленного русского юриста, судебного оратора конца XIX и начала XX века Федора Плевако, отстоявшего много крупных дел, так это заслуживало только всеобщего одобрения.

Первое заявление сделал защитник Янаева адвокат Хамзаев. Это был один из сильнейших адвокатов страны. Все его выступления всегда изобиловали подробными выкладками, глубоким анализом и убедительностью. Вот и на этот раз он сделал заявление об отводе всего состава суда. В его заявлении говорилось: «…Народные заседатели по своему положению являются подчиненными нынешнего министра обороны России генерала армии Грачева, а тот, в свою очередь, проходил по делу как свидетель, следовательно, народные заседатели не могут объективно исследовать показания Грачева, роль которого в событиях 19–20 августа неоднозначна».

Разумеется, аргумент весомый и вывод здесь напрашивался однозначный. Однако суд не удовлетворил это ходатайство. В мотивации было сказано, что судьи по закону независимы.

И хоть сей аргумент не был достаточно убедительным (в стране законы нарушались сплошь и рядом), мы все-таки больше не возвращались к этому вопросу: большинство из нас были заинтересованы в скорейшем разбирательстве дела ГКЧП. Настаивание же на смене суда таило в себе нежелательную перспективу в виде затяжки разбирательства еще на три-пять месяцев (новому составу суда необходимо было бы изучить дело).

Вслед за этим последовало наше ходатайство об отводе всего состава группы государственных обвинителей. Заявление сделал Г. И. Янаев: «Заявляю отвод всем прокурорам, поскольку они являются подчиненными Генерального прокурора России Степанкова, который до судебного заседания, выполняя социальный заказ президента России, неоднократно выступал перед прессой, другими средствами массовой информации с явно обвинительным уклоном в отношении меня и других подсудимых».

Геннадий Иванович убедительно подкрепил свое ходатайство еще двумя возмутительными фактами – передачей немецкому журналу «Штерн» видеозаписей допроса Крючкова, Язова и Павлова, а также изданием книги «Кремлевский заговор», предавшей гласности версии следствия в период, когда еще не закончилось предварительное следствие. Это было грубейшим нарушением самых элементарных норм юриспруденции. Вообще, такого дикого выпада против закона и столь неслыханного нарушения презумпции невиновности не было не только в годы Советской власти, но и во времена Российской империи при царях-батюшках.

Г. И. Янаева активно поддержали другие подсудимые и защитники. Однако, как и следовало ожидать, государственные обвинители, категорически возражая против такой постановки вопроса, настаивали отвести это ходатайство. Обстановка сложилась острая: с одной стороны, явно нарушался закон и лица, представленные в качестве государственных обвинителей, должны быть отстранены от возложенных на них в суде функций; с другой – государственные обвинители утверждали, что в ходе судебного следствия они будут строго придерживаться требований закона и что сейчас и впредь генпрокурор Степанков на них не будет оказывать давления. Они косвенно давали понять, что так было и в отношении состава суда, по которому тоже был заявлен отвод, но затем подсудимые и их адвокаты согласились с решением суда об отклонении ходатайства адвоката Хамзаева.

* * *

Учитывая остроту ситуации, суд объявил перерыв, судьи удалились в комнату для совещаний, а подсудимые, адвокаты, государственные обвинители уже в неформальной обстановке продолжили тему, которая обострилась в зале суда. Особенно горячо дискутировали адвокаты Ю. П. Иванов, Д. Д. Штейнберг и Л. С. Абельдяев. Они доказывали З. Г. Денисову и другим представителям Генеральной прокуратуры, что в этих условиях государственное обвинение в суде должны представлять независимые от Генерального прокурора юристы. Есть такие? Несомненно, есть. И в многочисленных учебных заведениях, и в различных государственных структурах, и среди крепких и здоровых пенсионеров. Конечно, вслед за заменой государственных обвинителей этой новой группе тоже понадобится дополнительное время на адаптацию, изучение уголовного дела и т. д. Но, как говорят в народе, «игра стоит свеч». Ведь независимые прокуроры способны будут оценить дело и каждого подсудимого объективно и даже закрыть это дело за отсутствием состава преступления. И это было реально.

Через некоторое время нас пригласили в зал заседания и суд объявил принятое им Определение, которым обратил внимание Верховного Совета РФ на грубые нарушения закона, допущенные Генеральным прокурором Российской Федерации Степанковым В. Г. и заместителем Генерального прокурора Российской Федерации Лисовым Е. К., и предложил рассмотреть вопрос о реальном обеспечении независимости государственных обвинителей по данному уголовному делу.

Судебное разбирательство дела продолжить после получения ответа на это определение. Определение подписали председательствующий А. Уколов, народные заседатели Ю. Зайцев и П. Соколов.

Таким образом, суд посчитал, что отвод государственным обвинителям заявлен обоснованно. Действия Степанкова и Лисова не только вошли в противоречия многих статей Уголовно-процессуального кодекса, но грубо нарушили Конституцию РСФСР. Налицо факт того, что они лично заинтересованы в деле, и, конечно, ни о какой беспристрастности Генпрокуратуры в отношении дела ГКЧП не может идти речи. Поэтому суд вынужден был обратить внимание Верховного Совета РФ на грубые нарушения, допущенные Степанковым и Лисовым, и предложить рассмотреть вопрос о создании реально независимой группы прокуроров, которая могла бы представлять государственное обвинение. Мало того, в определении сделано и разумное предложение – как именно выйти из этого положения, т. е. как создать независимый от Генпрокурора орган.

Фактически все подсудимые и многие адвокаты были уверены, что этот документ возымеет действие. Право и закон восторжествуют. Однако некоторые из адвокатов сомневались в положительном исходе. Свои сомнения они обосновывали двумя причинами: Хасбулатов, как и Ельцин, не заинтересован в положительном разрешении дела ГКЧП. Кроме того, также было известно, что между Р. Хасбулатовым и В. Степанковым тесные связи.

Действительно, в итоге мы получили из Верховного Совета РФ отрицательный ответ. Наш вопрос был поставлен на пленарном заседании Верховного Совета, но не набрал необходимого количества голосов. Был предпринят хитрый ход: Р. Хасбулатов поручил первому заместителю Председателя Верховного Совета Ю. Воронину проголосовать эту проблему в конце вечернего заседания, когда в зале, как правило, оставалось мало депутатов. Стало также известно, что В. Степанков поставил перед Р. Хасбулатовым вопрос прямо: «Или я, или они!» Естественно, была принята сторона Генерального прокурора. Но чтобы подсудимые и адвокаты не бурлили, подвели под такое голосование, когда иного решения и не могло быть. И придраться не к чему – голосовал Верховный Совет. Это была хорошо завуалированная обструкция. Ни Хасбулатов, ни тем более Степанков не желали, чтобы суд над гэкачепистами был справедливым.

Нам ничего не оставалось делать, как идти дальше с той командой, которая была представлена в первый день суда. Однако все мы понимали, что прокуроры государственного обвинения после нашей неудачной попытки «вытолкать» их из зала суда ожесточатся. Разумеется, внешне они будут делать вид, будто придерживаются объективности, но фактически станут злее. Поэтому обсудив этот вопрос на своем уровне, мы – подсудимые и адвокаты – решили максимально повысить свою бдительность на заседаниях.

* * *

Между тем социально-экономическая обстановка в стране резко ухудшилась. В Москве 1-го Мая мирная традиционная демонстрация трудящихся была избита омоновцами. Кровь, пролившаяся на центральных улицах столицы, была результатом провокации властей и милиции. Расправа над демонстрантами выглядела мерзко и позорно, тем более что избиение проходило под огромным полотнищем, на котором было написано: «С праздником, дорогие россияне!» Власти хотели, чтобы народ беспрекословно выполнял их команды. Им уже хотелось установить диктатуру без ограничений – что хочу, то и ворочу. Но трудящиеся всего мира традиционно отмечают Первомай. Почему же решили воспротивиться российская и московская власти? Это отдавало самодурством. Власть обязана обеспечить порядок при прохождении демонстрантов. А в Москве 1993 года власть сделала Первомай кровавым…

Судебный процесс по делу ГКЧП возобновился только в сентябре. Мы вновь выступали с различными заявлениями и ходатайствами. В то же время начали таять наши ряды. Вначале по болезни Александра Ивановича Тизякова производство по его делу было приостановлено. Затем по этой же причине судебное разбирательство было приостановлено и в отношении Олега Дмитриевича Бакланова. Вслед за этим из наших рядов выбыл Геннадий Иванович Янаев – заболел его адвокат Абдулла Майербекович Хамзаев. Конечно, Янаев мог взять другого адвоката, но пока тот ознакомится с делом – уйдет много времени. А у нас и без того ситуация со временем была прескверная: процесс начался в апреле, а к оглашению обвинительного заключения приступили только в октябре.

Поэтому в целях продвижения вперед генерал-лейтенант А. Уколов пошел по пути освобождения дела от всего, что тормозило. И, на мой взгляд, все было сделано правильно. Это мнение разделял адвокат Д. Д. Штейнберг и некоторые другие товарищи. Однако по формальным признакам можно было критиковать и суд, и его председательствующего. В частности, за выделение в особое производство дела Янаева – обоснование здесь было недостаточное. Но во имя ускорения процесса мы решили все-таки не сопротивляться.

Но осенью 1993 года в стране происходят трагические события. Естественно, они не миновали и нас, наложили свой отпечаток и на наш судебный процесс. Все, что происходило в Москве, начиная с 21 сентября, подтверждало: осуществляется второй этап контрреволюции, против которой в августе 1991 года выступали мы.

Октябрьская 1993 года трагедия была тяжелее той, что произошла в августе – декабре 1991 года, а действия властей еще более позорными. Творилось непоправимое, что навечно оставляло уродливые шрамы на облике России.

Любители демагогии из числа политиков и социологов старались (да и сейчас стараются) облечь все, что произошло, в оболочку различных категорий, пускаясь в пустые размышления. Одни говорят, что мы-де имеем дело с демократическим развитием страны. Другие утверждают: это была политическая борьба за власть. С одной стороны Ельцин и его сторонники, а с другой – Хасбулатов и Руцкой, которые возглавили сопротивление съезда народных депутатов и Верховного Совета России. Третьи усматривают здесь происки Запада.

Бесспорно, к тому времени Россию действительно наводнили с Запада, особенно из США, тысячи различных «специалистов». Между прочим Россия, получая тогда кредиты, полностью тратила их на содержание западных представителей. Много было различного рода и доморощенных советников типа Чубайса. Но даже западники, подсказывая пути развала страны и разворовывания наших богатств, создававшихся народом веками, а более всего особенно за последние 70 лет, а также наших природных ресурсов, не способны были додуматься до того, что выкинул в часы жуткого страха Ельцин – страха в связи с реальной угрозой лишиться власти. Даже еще в декабре 1991 года (я повторяю этот факт) бывший директор ЦРУ США Р. Гейтс, комментируя разрушения СССР, говорил: американцы предполагали, что в Советском Союзе будет плохо. «…Но то, что творится у вас сейчас, даже для нас это кошмар». Это было сказано директором ЦРУ, которое прикладывает свою руку к разрушительным процессам во всем мире. Разумеется, с 1991 до 1993 года было достаточно времени, чтобы американские советники смогли «привыкнуть» к особенностям первого российского президента. Но и в этих условиях расстреливать из танков парламент России?!..

И до октябрьского 1993 года расстрела парламента, а фактически с первых дней пребывания у власти, действия Ельцина были антиконституционными, антигосударственными, антинародными. В доказательство этого приведу один пример, о котором говорил бывший пресс-секретарь Ельцина доктор экономических наук, журналист П. Вощанов. К тому же П. Вощанов антикоммунист, считает себя демократом. Поэтому его взгляды и оценки, по моему мнению, прозвучат более убедительно, чем если бы я представил оценки коммуниста, т. е. своего единомышленника.

Так вот, в «Современной политической истории России» (издание 2-е, 1999, стр. 730) говорится следующее:

«…Павел Вощанов в статье «Золото добывают в Кремле» («Новая еженедельная газета», № 5) пишет о приватизации «людей, близких к власти. Сегодня, – пишет он, – не только госдачи, пол-России можно пустить с молотка (естественно, не забыв и о собственном интересе) и не быть схваченным за руку. Да и кому хватать-то? Едва ли не у каждого приближенного к власти руки хоть чем-то да заняты. Ему бы свое удержать».

В публикации содержатся конкретные факты, называются фамилии людей, злоупотребляющих своим служебным положением: Е. Гайдар, А. Собчак, Ф. Шелов-Колведяев, С. Станкевич, Г. Бурбулис, А. Нечаев, А. Чубайс, П. Авен. Лишь один из сюжетов этой публикации: «Сейчас уже трудно припомнить, кто спротежировал встречу: председатель российского парламента Б. Ельцин принял главу австралийского консорциума «Стар» Я. Мак Ни. Последнего очень интересовало извлечение платины из отходов российских горнодобывающих предприятий, но, зная особенность нашей бюрократии, он искал в Ельцине влиятельного политического покровителя. Как-то незаметно разговор перешел от проблем общих к частным, к золотодобыче. Тогда-то австралийский бизнесмен и получил «монаршье» заверение: ищите партнера. Я свою поддержку обещаю».

Партнер нашелся, хотя и не сразу. Им стало Госкомимущество, возглавляемое А. Чубайсом. Оно предложило австралийцам то, на что они совершенно не рассчитывали: стать совладельцами крупнейшего в России золотоносного месторождения «Сухой Лог». По секретным данным геологоразведки, это почти половина запасов российского золота. Исключительные права на добычу на территории 105 тыс. кв. км – неплохо для фирмы, про которую (точнее, про общую структуру, в которую та входит) в австралийской печати говорилось следующее:

«С ноября 1991 года по апрель 1992 года фирма, которая терпела убытки в 1988, 1989 и 1990 годах, была исключена из списка компаний, акции которых продаются на австралийской фондовой бирже… Отчет за 1991 год вышел с опозданием, поскольку аудиторская фирма сочла необходимым провести дополнительные проверки, прежде чем его заверить. По состоянию на декабрь 1991 года объем оборотных средств компании составил всего 75 000 австралийских долларов».

Итак, неплатежеспособной австралийской фирме (банковский счет практически пуст) Госкомимущество отдает 31 % акций крупнейшего в России золотодобывающего предприятия. Причем все было сделано в страшной спешке: 24 декабря Е. Гайдар еще только поручает выяснить целесообразность создания соглашения, а 26 декабря Госкомимущество принимает решение (кстати, не забыв закрепить за собой такое же количество акций – т. е. 31 %). (Разве это не преступление? – *автор*).

А что же старатели? Теперь они обязаны заключать договора на добычу уже с российско-австралийской администрацией. А те устанавливают цену добычи в несколько раз ниже, чем раньше».

Вот один из примеров расхищения богатств России, о чем пишет П. Вощанов.

* * *

Теперь приведу перлы из Указов президента Ельцина осенью 1993 года.

21 сентября Ельцин издал «исторический» Указ № 1400, который назывался: «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации». Фактически это был указ об удушении демократии и в первую очередь Советов. Хотя декорацию из пышных лживых фраз по поводу развития демократии, конечно, Ельцин выстроил. При этом всю вину на провалы в демократии Ельцин возложил на Верховный Совет.

Вот некоторые положения этого позорного Указа:

«В Российской Федерации сложилась политическая ситуация, угрожающая государственной и общественной безопасности страны». Верно, но создал эту ситуацию лично Ельцин. Далее говорится, что Верховный Совет РФ противодействует осуществлению социально-экономических реформ. Налицо, мол, обструкция политики всенародно избранного президента. А Верховный Совет узурпирует не только исполнительную, но и судебную власть. И далее:

«Конституционная реформа в РФ практически свернута…

В сложившихся условиях единственным средством… преодоления паралича государственной власти являются выборы нового парламента РФ».

В связи с этим президент постановляет:

«1. Прервать осуществление законодательной, распорядительной и контрольной функции съездом народных депутатов Российской Федерации и Верховным Советом Российской Федерации… руководствоваться Указами президента и постановлениями правительства Российской Федерации…»

И в этом духе следовало еще 17 пунктов.

В конце Указа Ельцин обращается к народу: «Прошу граждан России поддержать своего президента в это переломное для судьбы страны время».

Ну а что народ? Молчит. Он молчит и тогда, когда объявляется Постановление Верховного Совета Российской Федерации «О прекращении полномочий президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина». В нем говорится:

«В связи с грубейшим нарушением президентом Российской Федерации Ельциным Б. Н. Конституции Российской Федерации – России, выразившемся в издании Указа от 21 сентября 1993 года № 1400 «О поэтапной Конституционной реформе в Российской Федерации», приостанавливающего деятельность законно избранных органов государственной власти, Верховный Совет Российской Федерации постановляет: в соответствии со статьей 121-б Конституции Российской Федерации – России полномочия президента Российской Федерации Ельцина Б. Н. прекращаются с 20 часов 00 минут 21 сентября 1993 года.

Председатель Верховного Совета Российской Федерации Р. И. Хасбулатов

Москва, Дом Советов

22 сентября 1993 года».

В следующем постановлении Верховного Совета РФ действия президента РФ Ельцина Б. Н. оцениваются как государственный переворот, и его Указ направляется в Конституционный суд РФ для оценки его конституционности.

Конституционный суд в составе Зорькина (председатель), Витрука, Рудкина, Аметистова, Ведерникова, Гаджиева, Кононова, Лучина, Морщаковой, Олейника, Селезнева, Тиунова, Эбзеева пришел к заключению, что Указ президента РФ Ельцина от 21.09.93 года № 1400 и его Обращение к гражданам России (этого же числа) не соответствуют многим статьям Конституции РФ (перечисляются) «… и служат основанием для отрешения президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина от должности или приведения в действие иных специальных механизмов его ответственности в порядке статьи 121 (10) или 121 (б) Конституции Российской Федерации».

То есть Ельцин не только должен был быть отлучен от власти, но еще и привлечен к уголовной ответственности.

В тот же день, т. е. 22 сентября 1993 года, Верховный Совет РФ принял Постановление об исполнении полномочий президента РФ А. В. Руцким. В свою очередь Руцкой издал указ о том, что в соответствии со статьями 121.6 и 121.11 Конституции РФ, а также Постановлением Верховного Совета РФ он приступил к исполнению полномочий президента РФ.

Однако Верховный Совет РФ хоть и занес меч над Ельциным, но голову ему еще не отрубил. Двоевластие не могло продолжаться вечно. И Ельцин выгоняет танки к Дому Советов

и прямой наводкой расстреливает парламент страны из танковых пушек. И это варварство в еще не виданных, диких проявлениях наблюдала по телевидению вся планета. Ельцин – палач, круша все конституционные и международные правовые нормы, вошел в историю на крови и сидел в окровавленном троне до 2000 года, разрушая и грабя страну, уничтожая наш народ.

* * *

Для того чтобы как-то прикрыть свое злодеяние, Ельцин обращается к народу России. В этом лицемерном обращении все от начала и до конца – мерзкая ложь.

Вот одна из фраз: «Те, кто пошел против мирного города и развязал кровавую бойню, – преступники». Верно ли это? Верно! Но развязал эту бойню лично Ельцин с помощью Черномырдина, Грачева и Ерина. Главные организаторы Кобец и Волконогов – оба генералы из Министерства обороны, не имеющие в своем послужном списке ничего близкого к боевым частям. Непосредственные исполнители, введенные в заблуждение своими начальниками, стреляли в парламент, в избранников народа. Это все равно что в народ. Конечно, расценить такое иначе как преступление нельзя.

Обращаясь к народу, Ельцин старается оправдаться и валит все на руководителей Верховного Совета РФ. Он говорит: «Свезенные со всей страны боевики, подстрекаемые руководством Белого дома, сеют смерть и разрушения».

Спрашивается, как могли свезти со всей страны и завести или пропустить в Белый дом боевиков, если и подступы к Москве были Ельциным и Черномырдиным перекрыты, а сам Белый дом был обнесен колючей проволокой надежнее, чем в «хорошем» ГУЛАГе, и блокирован войсками МВД? Наконец, как эти боевики (если их все-таки как-то впустили в Белый дом) могут «сеять смерть и разрушения»? Чем и что они могут разрушить, если они внутри Белого дома?

Для подкрепления изложенных позиций Ельцин объявляет чрезвычайное положение в Москве, подписав соответствующий Указ: «О безотлагательных мерах по обеспечению режима чрезвычайного положения в Москве».

В унисон президенту РФ тоже 4 октября 1993 года выступает правительство Черномырдина с Заявлением Совета Министров и руководителей органов государственной власти субъектов Российской Федерации о политической ситуации в России.

6 октября Ельцин еще раз обратился к народу и еще раз решил внушить нашим доверчивым людям, что самосуд, который он лично со своими приближенными учинил над Верховным Советом РФ, является не чем иным, как спасением демократии. Он снова напирал на то, что якобы была угроза установления в России кровавой коммуно-фашистской диктатуры.

Но не Советы, как орган политической власти, на мой взгляд, хотел ликвидировать Ельцин, а лишить власти тех людей, которые входят в Советы. Какая разница, будет ли этот орган называться Советом или Думой? Люди, вот что главное!

Но Ельцин подавал все так, будто именно Советы, созданные в 1905 году коммунистами в Иваново-Вознесенске, являются угрозой для демократии. Мне неизвестно, действительно ли Ельцин так думал о происхождении Советов или лгал умышленно. Однако ясность в этом вопросе у нас должна быть.

Фактически Советы (или «вече») как форма местного самоуправления были созданы в Новгороде и Пскове почти за тысячу лет до их возрождения в Иваново-Вознесенске. И Советская власть после 1917 года только исторически воспроизвела то, что было создано народом давным-давно. Поэтому дремучая ненависть Ельцина к Советской власти выглядит просто глупо.

Ельцин заявляет: «Большинство органов Советской власти несут прямую ответственность за крайнее обострение ситуации в Москве. Система Советов проявила полное пренебре-

жение к безопасности государства и его граждан, сама поставила точку в своей политической судьбе». И далее говорит, что Советы обязаны самораспуститься, а России, «как воздух, нужна нормальная демократическая конституция».

Мы вскоре и получили такую «нормальную демократическую Конституцию» (соавторы Шахрай, Бурбулис, Шумейко и другие), которая всю основную власть отдала президенту страны, полностью вывела его из-под контроля и фактически не позволяла отстранить от управления государством человека, который, занимая пост президента, творил антигосударственные дела вплоть до крупных преступлений.

В итоге штурма Дома Советов руководители сопротивления были захвачены и посажены в Лефортовскую тюрьму (Хасбулатов, Руцкой, Макашов, Ачалов и другие). Но не это главное. Главное в том, что те побеги истинной демократии в лице Советов, которые действительно представляли интересы народа, были раздавлены Ельциным.

Главный критерий или лицо демократии – это Конституция страны и механизм контроля народа за всеми ветвями власти, начиная с президента. У нас Конституция – во имя президента и только для него, а контроль на нулевых установках.

Расстрел российского парламента по сути стал расстрелом души народа. В стране создалась тяжелая гнетущая обстановка.

* * *

После октябрьской трагедии, приблизительно через месяц после основных событий Военная коллегия Верховного Суда продолжила свои судебные заседания.

Приступили к допросу подсудимых и свидетелей. Первым из подсудимых выступал В. А. Крючков. Как и в любом сложном деле, первому, конечно, труднее всего, а в нашем – даже опасно. Но Владимир Александрович со своими задачами справился успешно – как в личных показаниях, так и в ответах на вопросы суда, государственных обвинителей, а также при допросе свидетелей он проявил незаурядную дипломатию и гибкость.

В своем выступлении В. А. Крючков подчеркнул, что просто нелепо обвинять людей в измене Родине, когда на самом деле все они являлись и являются патриотами и защитниками своей Отчизны, действительно беззаветно служат своему народу. А что касается событий августа 1991 года, так это была попытка защитить и спасти Отечество от развала.

Владимир Александрович категорически не признал свою вину и вину товарищей, привлеченных по делу ГКЧП. И действительно, ГКЧП и провозглашенные им программные документы были направлены на спасение, а не на развал СССР.

Дмитрий Тимофеевич Язов так же категорично отвел все предъявленные ему обвинения, убедительно доказал, что все они надуманы, раскрыл причины развала Советского Союза и назвал ряд фигур, которые сыграли главную роль в этой трагедии.

Дмитрий Тимофеевич умно, без малейшей тени злопыхательства показал предательскую роль Горбачева и в расшатывании Вооруженных Сил, и в разбазаривании наших территорий и акваторий. Он с горечью говорил: «Я стремился не допустить развала государства и армии. Этим было вызвано мое участие в совещании на объекте КГБ 17 августа 1991 года, где обстановка в стране была оценена как критическая… 16–17 августа уже было известно, что Украина, Прибалтийские республики Союзный договор подписывать не будут, а значит – не будет и Союза. Это Горбачев понимал, и мы решили предложить ввести чрезвычайное положение».

Несомненно, это выступление, как и выступление Владимира Александровича Крючкова, произвело сильное впечатление на всех присутствующих. В их позиции не было и намеков на раскаяние или стремление обелить себя. Нет! Они оба обличали и обвиняли тех, кто довел страну до тяжелейшего всеобъемлющего кризиса и насильственно ее разрушил. В заключение своей речи Д. Т. Язов с горечью произнес: «Люди, движимые мотивами сохранения госу-

дарства, привлекаются к уголовной ответственности по закону, который государство создало для своей защиты».

Действительно, творился абсурд, какого человечество не знало – не ведало…

Показания Олега Семеновича Шенина, который выступал после Д. Т. Язова, максимально усилили и без того уже мощное воздействие на всех участников судебного процесса. Олег Семенович подчеркнул, что готов нести ответственность, но не за то, что выступил против горбачевских реформ, что настаивал ввести чрезвычайное положение и сорвать подписание нового Союзного договора, чтобы спасти страну, а за то, что не все сделал, чтобы сохранить нашу Великую державу – Советский Союз.

О. С. Шенин четко заявил, что к выполнению обязанностей президента Горбачев относился преступно, что он нарушил клятву о защите Советской Конституции. Это и привело к развалу страны. Горбачев знал о подготовке Ельцина к действиям по окончательному развалу Советского Союза и ликвидации Советской власти, знал, что тот не подпишет Союзный договор в Ново-Огареве. При этом Шенин сообщил, что Горбачев лично говорил ему (Шенину) 29 июля 1991 года об этом. Еще более сильным был заключительный аккорд:

«То, что не смог сделать Гитлер в 1941–1945 годах, сделали Ельцин, Кравчук и Шушкевич в Беловежской Пуще… Сдал и предал Союз его президент, его Верховный Главнокомандующий».

После этих слов, видимо, не только у меня, но и у всех присутствующих логично возник вопрос: какую кару должен понести предатель народа и государства?

* * *

Крючкову, Язову и Шенину довелось пройти весь «курс» судебного следствия. Они дали показания, ответили на вопросы, полностью прошли этап допроса свидетелей. И везде действовали по-боевому. Мы радовались за своих товарищей и на их опыте строили в общих чертах прогноз в отношении исхода судебного следствия и возможного вердикта. Ведь они все-таки реально относились к верхушке той пирамиды сопротивления горбачевской политике, которая выросла в руководстве за последнее время.

Мне довелось выступить четвертым – вслед за О. С. Шениным. Точнее, после того, как вся процедура с ним была закончена, в том числе допрошены свидетели по той части дела, которая касалась его лично.

Кстати, во время моего выступления на суде имел место интересный эпизод. В конце первого дня моих показаний председательствующий – генерал-лейтенант А. Уколов прервал меня вопросом: «У вас по времени еще много докладывать? Может, мы продолжим заседание да закончим его уже сегодня?» Я ответил, что у меня осталось ровно столько, сколько уже доложено, т. е. еще на один день. Это вызвало улыбки и шум в зале. Но суд подошел к этому с пониманием. Председательствующий, сообщив, что показания будут продолжены завтра, объявил перерыв.

Однако когда я закончил свои показания, вдруг нас известили, что Государственная Дума Федерального Собрания приняла постановление об амнистии. Наш новый парламент явно демонстрировал свои права.

На следующий день на очередное судебное заседание все пришли в возбужденном состоянии. Нам также стало известно, что в свет вышло еще одно постановление Госдумы, которое идет в связке (в пакете) с постановлением об амнистии. Фактически им распускалась недавно созданная парламентская комиссия, которая должна была расследовать факты расстрела в октябре 1993 года Верховного Совета РСФСР. Понятно, что это второе постановление стало разменной картой режима.

Председательствующий на суде А. Т. Уколов при абсолютной тишине в зале заседания зачитал постановление № 1 Государственной Думы от 23 февраля 1994 года и сделал небольшую паузу. Видно, для того, чтобы мы глубоко осознали, что именно произошло. Затем сказал, что теперь он будет персонально опрашивать каждого из нас с целью выяснения отношения к амнистии. Тогда мы, т. е. подсудимые и адвокаты, попросили выделить нам время для проведения внутренних консультаций. Посовещавшись, суд удовлетворил нашу просьбу. Был объявлен перерыв.

Мы собрались в своей комнате, где обычно шла подготовка к очередным заседаниям. Анатолий Иванович Лукьянов, уже являясь депутатом Государственной Думы первого созыва, подробно рассказал нам об амнистии, подчеркнув, что у Думы фактически это был первый решительный шаг. Поэтому в сложившейся ситуации, в том числе и для оказания поддержки Думе нам целесообразно согласиться с амнистией. Начались выступления. Большинство высказалось за амнистию. Отмалчивались О. Бакланов и В. Стародубцев. Я чувствовал, что они, как и я, не согласны с амнистией. Учитывая, что дело все-таки склоняется к принятию амнистии, я попросил слово.

Понимая, что амнистия – это гуманный шаг, что такие решения бывают редко и ими надо дорожить, что принятие нами амнистии имеет обратную связь, т. е. мы тем самым поддержим наш новый законодательный орган, что на фоне трагедии, которая произошла в октябре 1993 года с Верховным Советом РФ, конечно, имеет для общества исключительное значение, – понимая все это, я в то же время не мог согласиться с амнистией, так как ни в чем не виновен, как и все привлеченные к суду по делу ГКЧП. Именно поэтому нельзя соглашаться с амнистией. Кроме того, второе постановление, которое фактически идет в обмен на амнистию, ставит крест на работе парламентской комиссии, а она должна была разоблачить убийц – тех, кто отдавал приказы и кто их исполнял, в результате чего погибли сотни ни в чем не повинных людей при штурме Дома Советов в октябре 1993 года.

Но мои товарищи продолжали напирать на меня, аргументируя это тем, что, во-первых, все мы, проходящие по делу ГКЧП, невольно становимся в оппозицию к Государственной Думе, а это на руку только врагам; во-вторых, развязав руки с судебным делом, мы сможем сосредоточить свои усилия не только на разоблачении тех, кто расстрелял людей в октябре 1993 года, но и вообще на проблеме отката нашей страны от государственности, права и элементарного порядка в стране. Не скрою, второй довод прозвучал для меня неубедительно, так как наши возможности были ничтожны. В-третьих, мне напомнили мои же слова о том, что надо идти в деле ГКЧП единым фронтом, по принципу: один за всех и все за одного. А тут вдруг Варенников решил оторваться от коллектива.

Но я продолжал сопротивляться и пытался убедить своих друзей, что раз мы невиновны, соглашаться с амнистией нам нельзя. Наоборот, на судебном процессе надо показать, кто есть кто и кто в насильственном разломе Советского Союза сыграл главную роль. Ведь разоблачение разрушителей могло раскрыть глаза народу, помочь ему правильно оценить политическую обстановку в стране. Тогда один из моих товарищей обвинил меня в амбициозности, в том, что будто я претендую на особое положение, хочу выделиться. Тут я, конечно, взорвался и наговорил лишнего. Однако это обвинение заставило меня задуматься. Разумеется, пункт «а» 64-й статьи Уголовного кодекса РСФСР грозил тяжелым наказанием: от 10 до 15 лет строгого режима или расстрелом с конфискацией всего имущества. То есть мало того, что сам пострадаешь (пусть будет даже «наилучший» вариант – 10 лет, но это хуже, чем расстрел), так пострадает еще и семья – отберут все, что нажито за многие десятилетия. Допустим, я не соглашусь и меня будут судить, но свидетелями, конечно, кроме других, будут выступать и все мои товарищи по делу ГКЧП. И, несмотря на амнистию, их тоже могут по ходу судебного разбирательства опять привлечь к уголовной ответственности. Ведь в стране установился беспредел и в судебном процессе можно было ожидать любых осложнений. К тому же мы хоть и прониклись

уважением к составу суда, но полных гарантий, что он будет строго придерживаться закона, не было. А что подумают обо мне жены и дети моих товарищей? Конечно, амнистия подсудимым в условиях, когда над ними уже занесен меч, – это большой соблазн.

К сожалению, я тогда не знал тонкостей юриспруденции. Оказывается, закон предусматривает положение о том, что если судебный процесс начался, а в ходе его объявлена амнистия, то суд обязан довести дело до конца и объявить приговор – обвинительный или оправдательный. Если приговор оправдательный, то освобождают всех – за отсутствием состава преступления. Если приговор обвинительный, то всех освобождают по амнистии, но подсудимые уходят на свободу с клеймом судимости.

Если бы я все это знал, то продолжал бы настаивать хотя бы на продолжении суда. Объявленная амнистия так или иначе освобождает подсудимого, хочет он этого или не хочет. Но это когда суд уже начался. А если судебное разбирательство еще не начиналось, то всех освобождают без суда. Если учесть, что суть проблемы не раскрыта (виновны – невиновны), то амнистию нельзя рассматривать как помилование.

Это стало мне известно гораздо позже, когда я уже пообщался с адвокатом Дмитрием Штейнбергом. Он все разложил мне по полочкам, но в тот момент спора в кругу товарищей многое мне было неясно. Опасаясь, что мои товарищи могут пострадать из-за моей позиции, я в итоге нашего часового спора сказал: «Хорошо, я вместе со всеми приму амнистию, но сделаю заявление, в котором свое согласие свяжу с определенными условиями». Товарищи со мной согласились.

После перерыва председательствующий суда стал всех опрашивать. Наступила и моя очередь. Я заявил: «Я не возражаю против амнистии, но я невиновен. Могу принять амнистию при условии возбуждения уголовного дела по факту развала Советского Союза». Мое устное заявление было принято. Далее опрашивали остальных. Все согласились.

В итоге 1 марта 1994 года было издано Определение Военной коллегии Верховного Суда РФ, в котором говорилось, что уголовное дело в отношении всех привлеченных к ответственности по делу ГКЧП прекращено со ссылкой на Постановление Государственной Думы РФ об амнистии. При этом отменялась мера пресечения – подписка о невыезде, а также арест, наложенный на личное имущество.

* * *

Казалось бы, все обошлось без тяжелых осложнений, все должно нормализоваться, поэтому можно было бы и успокоиться. Но фактически на душе было тревожно. Я не чувствовал удовлетворения и все-таки надеялся на какие-то подвижки в отношении моего ходатайства. Но суд молчал.

И вдруг через несколько дней нам всем объявляют о том, что Генеральная прокуратура РФ внесла протест на определение Военной коллегии Верховного Суда РФ от 1 марта 1994 года, по которому уголовное дело по ГКЧП прекращено. Президиум Верховного Суда принял этот протест. Принял не потому, что Военная коллегия Верховного Суда неправомерно прекратила судебное разбирательство и закрыла дело о ГКЧП. Никакой здесь ошибки не было – решение высшего законодательного органа – Государственной Думы – должно быть выполнено. А коль оно вошло в противоречие с Уголовным кодексом, где сказано, что суд обязан довести разбирательство до конца при всех условиях (в том числе и при объявлении амнистии), то Президиум Верховного Суда принимает мудрое решение: отменяет Определение Военной коллегии от 1 марта 1994 года, а по делу о ГКЧП возбуждает новое судебное разбирательство.

Расчет был до гениальности прост: создается новый состав суда. Его председательствующий еще до начала судебных заседаний опрашивает персонально каждого из нас, проходящего по делу ГКЧП, об отношении к амнистии, все соглашаются, принимают амнистию, и суд,

не начав следственных действий, закрывает дело. Это полностью соответствует правовым нормам. И все должны быть довольны. И волки сыты, и овцы целы. Однако не все получилось столь гладко. Поэтому я обязан принести извинения тем, чей замысел я нарушил.

Председательствующий нового состава суда генерал-майор Виктор Александрович Яськин начал приглашать каждого из нас в Верховный Суд. Сообщив, в связи с чем он нас пригласил, он предлагал согласиться с решением об амнистии и написать соответствующее заявление.

Я всесторонне обсудил ситуацию со своим старшим сыном Валерием (он жил в Москве), адвокатом Дмитрием Давыдовичем Штейнбергом и пришел к выводу, что просто обязан не принять амнистию. С таким предварительным решением, естественно, написав соответствующее заявление, я вместе с Валерием отправился в Верховный Суд. В. А. Яськин тоже был не один, так что разговор строился при свидетелях. Встреча у нас была ровная, разговор проходил спокойно, но внутренне обе стороны были напряжены.

После знакомства (мы раньше не встречались) Виктор Александрович подробно рассказал мне обо всех перипетиях нашего дела. Сообщил, что у него уже было 8 человек из 12 и все согласились с амнистией, оставив письменные заявления. Кто конкретно уже был и согласился – он не говорил. А я не спрашивал. Спокойно слушал, не задавая вопросов. Наконец наступил решающий момент.

– Вот теперь пришел и ваш черед, – сказал Яськин. – Я предлагаю и вам принять амнистию, как это сделали уже многие…

– К сожалению, я этого сделать не могу, – твердо ответил я.

Яськин вопросительно посмотрел на меня.

– Дело в том, что еще на первом суде при опросе подсудимых об отношении к амнистии я устно заявил, что могу принять амнистию при одном условии – если будет возбуждено уголовное дело по факту развала Советского Союза. Однако это учтено не было. Поэтому сейчас я категорически отказываюсь от амнистии и делаю письменное заявление.

При этом я вручил ему мою домашнюю заготовку.

Прочитав мое заявление, В. А. Яськин немного задумался, но затем продолжил беседу, стараясь убедить меня принять амнистию:

– И все-таки, Валентин Иванович, я хочу обратить ваше внимание на то, что в сложившейся обстановке целесообразно амнистию принять. Ведь процесс может затянуться и на год…

Тут он сделал паузу. Я молчу, тогда он, глядя мне в глаза, продолжил:

– И на полтора… и даже на два. А результат будет одинаковый…

– Ну, что ж, два так два. Будем судиться.

– Но ведь вам придется иметь все это время адвоката, а это большие деньги!

– Я откажусь от адвоката. Мне защита не нужна.

– Но по такого вида статьям, как 64-я, Уголовно-процессуальным кодексом предусматривается обязательное присутствие адвоката.

– В таком случае пусть государство назначает адвоката и оплачивает его труд, – парировал я.

– Государство этого делать не будет. Это никакими законами не предусмотрено.

– А я тем более не намерен этого делать. У меня нет средств.

– И все-таки считаю своим долгом сказать вам, что можно было бы еще подумать и затем объявить свое решение. Государство вам предлагает амнистию.

– Это хорошо продуманный и далеко не поспешный шаг. Решение это было принято несколько месяцев назад, а сейчас я только еще больше утвердился в правоте своих взглядов и своего решения.

– Так что – ни в какую?

– Да, я настаиваю на проведении суда. Амнистию принимать не намерен.

Уже обращаясь к сотруднику, который сидел рядом с ним (видно, тоже юрист), Виктор Александрович как бы попытался найти у него поддержку:

– Вот видите – Валентин Иванович амнистию принимать не хочет и настаивает, чтобы состоялся суд.

Коллега Яськина неопределенно поднял плечи, но в разговор не ввязался. Тогда Виктор Александрович заключил:

– Ну что ж, мы сделали все, чтобы убедить вас в целесообразности принятия амнистии. Вы категорически отказываетесь и решили идти в суд. Это ваше право. Значит, быть по сему. Но если в ближайшие дни вдруг передумаете – мы можем все поправить.

Я заверил В. А. Яськина, что поправлять ничего не придется. Мы распрощались, но теперь уже в ожидании нашей встречи на суде. Весь путь к дому я обсуждал с сыном Валерием ситуацию. Он всячески поддерживал меня и считал, что это единственно правильное решение. Дома жена, как всегда, встала на мою сторону, но без энтузиазма – ее пугали сроки, да и финансирование тоже.

Решил никому из своих товарищей об этом пока не сообщать, чтобы не бередить их души, да и самому не расстраиваться. А вот адвокату позвонил сразу. Дмитрий Давыдович воспринял это весьма положительно, сказав, что он от меня другого решения и не ожидал и готов сражаться. Это вдохновляло. И вообще я почувствовал душевное облегчение.

* * *

Собравшись с мыслями и ориентировочно прикинув возможный вариант событий, я уже на второй день засел за работу и стал конкретно готовиться к предстоящему судебному процессу. Конечно, основная подготовка, как и раньше, проходила в стенах Военной коллегии Верховного Суда РФ, так как здесь можно было воспользоваться всеми необходимыми материалами, в том числе предварительного следствия, обвинительного заключения, показаниями В. А. Крючкова, Д. Т. Язова, О. С. Шенина, а также свидетелей, которые вызывались по их делу. Особое внимание я обратил на тексты своих собственных показаний и на ходатайства, которые я решил заявить до начала судебного разбирательства. Разумеется, центральное место занимало мое ходатайство о возбуждении уголовного дела по факту развала Советского Союза.

Второй суд. Встречный иск по делу о развале СССР

21 июня 1994 года в 10 часов утра начался суд – для меня уже второй. Видно, основные сотрудники Военной коллегии дело ГКЧП хорошо изучали еще в ходе основного, т. е. первого процесса. Поэтому затяжек с началом процесса не было.

Председательствовал член Военной коллегии Верховного Суда генерал-майор В. А. Яськин. В роли народных заседателей были генерал-майор В. И. Подустов и контрадмирал Н. Н. Юрасов, оба действующие офицеры. Разумеется, на них налагалась большая ответственность за судьбу дела, но в то же время они, как и любой человек, были далеко не безразличны к своей собственной судьбе. Ведь исполнительная власть, начиная с президента РФ Ельцина, ждала, что суд раздавит Варенникова, уличит его в самом тяжком преступлении, тем самым на ГКЧП будет выжжено клеймо позора. Если же суд вынесет другое решение, то его авторов будет ждать соответствующая участь.

В роли государственного обвинителя выступал полковник А. Б. Данилов, бывший в составе группы государственных обвинителей и на первом суде. Тогда за ним были закреплены подсудимые Язов и Варенников. Какие-то категорические выводы относительно Аркадия Борисовича Данилова мы с Дмитрием Тимофеевичем Язовым и адвокатами сделать тогда не могли – вел себя ровно, своими вопросами особо от других прокуроров не выделялся. Поэтому на первом суде и сейчас на втором он был загадкой. Хотя я чувствовал в нем внутреннее благородство.

В день начала судебного процесса у здания Военной коллегии Верховного Суда РФ собралось огромное количество людей во главе с Виктором Ивановичем Анпиловым. Они демонстрировали солидарность и искренне поддерживали меня. Эта акция, конечно, имела огромное значение для поднятия духа. Лозунги, плакаты, многочисленные обращения ко мне волновали и радовали. Я чувствовал и видел, как много у меня искренних сторонников и верных друзей.

Большой отряд милиции старался не допустить каких-либо эксцессов. Собравшиеся люди вели себя достойно, провокаций не было. Это тоже меня радовало. Когда я подошел к демонстрантам и завел с ними разговор, началось что-то неописуемое. Люди старались пожать мне руку, подбодрить, выразить свою солидарность. Я подробно рассказал им, что будет в суде, каких позиций придерживаюсь, и, естественно, тепло поблагодарил всех за поддержку.

В зале суда я появился за полчаса до начала заседания. Все места для гостей были уже полностью заняты. И здесь меня тоже тепло приветствовали. Удивительное дело – ведь начинается суд, а у меня праздничное настроение! Да и суд-то какой – обвинение по самой тяжелой статье в Уголовном кодексе, а у меня при взгляде на всех окружающих на душе легко и даже радостно. Конечно, я волновался и глубоко осознавал, что сейчас несу полную ответственность не только за себя лично, не только за всех двенадцать моих товарищей, привлеченных к суду по делу ГКЧП, но за принципиальную политическую оценку событий августа 1991 года и за свою личную офицерскую честь.

Вместе с амнистией власти все концы упрятали в воду. Однако неожиданно возник судебный процесс над Варенниковым, и у властей, начиная с Ельцина, не было никаких сомнений, что суд врежет Варенникову под самую завязку…

* * *

И вот этот суд начался. Все заняли свои места. Раздается уже знакомая команда коменданта: «Прошу встать. Суд идет!» Все стоя встречают высокий суд во главе с В. А. Яськиным. Заседание начинается с обычной проверки явки подсудимого, свидетеля, затем устанавлива-

ется личность подсудимого, объявляется состав суда и разъяснены права отвода. Мне также разъясняются мои права. Затем приступили к заявлениям и разрешению моих ходатайств. Не буду умалчивать – ходатайств было много. Поэтому на их разбирательство ушло несколько дней. Но из всех выделено главное – мое ходатайство о возбуждении уголовного дела по факту развала Советского Союза. Это был настоящий взрыв бомбы.

Привожу текст этого небольшого, но весьма знаменательного ходатайства:

«Военная коллегия Верховного Суда РФ
От Варенникова В. И.

ХОДАТАЙСТВО

17 марта 1991 года в итоге всесоюзного референдума наш народ выразил свою волю сохранить Союз Советских Социалистических Республик. И хотя все годы «перестройки» подводили нашу страну к все более тяжелому политическому и социально-экономическому кризису, люди надеялись, что их воля будет реализована.

Однако, вопреки всенародному волеизъявлению, бывший Президент СССР Горбачев М. С. и еще несколько лиц приняли решение о подписании нового Союзного договора, который исключал из состава СССР ряд республик и фактически уже разваливал Союз. Подготовленный в Ново-Огареве проект договора на обсуждение Верховного Совета СССР не выносился и не утверждался, следовательно, он не имел юридической силы.

Считаю, что в этих и других действиях имеются признаки преступного деяния. А наступившие вслед за этим тяжелые последствия продолжают усугубляться и сейчас пагубно сказываются на жизни нашего народа.

На основании изложенного и существующего законодательства прошу Суд возбудить уголовное дело по факту развала Советского Союза и виновных лиц в этой трагедии привлечь к уголовной ответственности.

Необходимо, наконец, открыто и гласно разобрать все то, что произошло с нашей страной, назвать причины трагедии и виновных, дать факту ликвидации Великой Державы объективную правовую оценку.

Молчание дальше продолжаться не должно. Надо положить конец утаиванию правды от людей. И народ России, и народы Мира должны знать, почему развалили Советский Союз и кто это сделал.

Выяснение в судебном заседании истины и одновременное принятие парламентом страны законов, не позволяющих повторения нарушения воли, прав и свобод народа, пресечение разгула преступности и беспредела – залог стабилизации обстановки и целостности России, основа начала выхода страны из кризиса и возрождения нашего Отечества. В этом каждый нормальный человек видит сегодня спасение.

Убежден, что объективное судебное разбирательство этого самого важного и самого тяжелого вопроса для нашего народа высоко поднимет авторитет правосудия России.

В. И. Варенников.

21 июня 1994 г.».

Но еще больший резонанс имело рассмотрение моего ходатайства судом. Суд признал его правомерным и вынес на этот счет специальное Определение, в которое были включены и некоторые другие вопросы, в том числе вопрос о Р. Нишанове и о ходатайстве потерпевших Л. Комаре и А. Усове. Вот этот документ:

«Определение

21 июня 1994 года г. Москва

Военная коллегия Верховного Суда Российской Федерации в составе:

председательствующего – Яськина В. А., народных заседателей – Подустова В. И., Юрасова Н. Н.

в судебном заседании по уголовному делу в отношении Варенникова В. И.

установила:

В подготовительной части судебного разбирательства заявлены ходатайства:

– подсудимым Варенниковым В. И. о возбуждении уголовных дел в отношении лиц, виновных в развале Советского Союза, и в отношении Нишанова Р. Н. за нарушение установленного порядка дачи Президиумом Верховного Совета СССР согласия на лишение Варенникова В. И. депутатской неприкосновенности:

– защитником-адвокатом Штейнбергом Д. Д. о вызове в качестве свидетеля Нишанова Р. Н. и о назначении военно-технической экспертизы для решения вопроса, был ли причинен ущерб обороноспособности страны в результате действий, инкриминируемых Варенникову В. И.;

– потерпевшими Комарь Л. А. и Усовым А. А. о возмещении им морального вреда, связанного с гибелью их сыновей.

Обсудив заявленные ходатайства, Военная коллегия пришла к следующим выводам.

Заявление Варенникова В. И. о возбуждении уголовных дел подлежит направлению на основании ст. 109 УПК РСФСР в Генеральную прокуратуру в связи с тем, что, согласно ст. 256 УПК РСФСР, суд вправе возбудить уголовное дело в отношении лиц, не привлеченных к уголовной ответственности, лишь тогда, когда установлены обстоятельства, указывающие на совершение этими лицами преступления.

Эти обстоятельства судом не установлены и не являются предметом исследования, поскольку в соответствии со ст. 254 УПК РСФСР разбирательство дела в суде производится только в отношении обвиняемых и лишь по тому обвинению, по которому они преданы суду.

Ходатайство защитника о назначении военно-технической экспертизы не подлежит удовлетворению на этой стадии судебного разбирательства, так как в деле имеется заключение соответствующих экспертов, выводы которых еще не исследованы судом.

Ходатайство потерпевших о возмещении морального вреда не подлежит рассмотрению в суде, поскольку основы гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик, предусмотревшие возмещение морального вреда, вступили в законную силу с 1 января 1992 года. События же, с которыми потерпевшие связывают причинение морального вреда, произошли 20 августа 1991 года, то есть когда правовых оснований для его возмещения еще не имелось.

Ходатайство защитника о вызове Нишанова Р. Н. в качестве свидетеля подлежит удовлетворению.

На основании изложенного и руководствуясь ст. ст. 29, 109, 261 и 276 УПК РСФСР, Военная коллегия Верховного Суда Российской Федерации определила:

1. Вызвать на судебное заседание свидетеля Нишанова Р. Н.

2. Заявление подсудимого Варенникова В. И. о возбуждении уголовных дел в отношении лиц, виновных в развале Советского Союза, и в отношении Нишанова Р. И. направить в Генеральную прокуратуру Российской Федерации по подследственности.

3. Ходатайство защитника о назначении военно-технической экспертизы оставить без удовлетворения.

4. В удовлетворении ходатайства потерпевших Комарь Л. А. и Усова А. А. отказать.

Председательствующий по делу В. А. Яськин.
Народные заседатели В. И. Подустов, Н. Н. Юрасов».

* * *

Завершив все подготовительные действия, разобрав все заявления и ходатайства сторон, суд приступил к главному – к судебному следствию. Было оглашено обвинительное заключение. Председательствующий спросил меня, понятно ли предъявленное обвинение. Я ответил, что существо обвинения совершенно непонятно, все надумано и ложно. Я заявил, что не считал и не считаю себя виновным. Суд никак не отреагировал, однако протокольно мое заявление было зафиксировано.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.